

БАГАУТДИНОВА Гузель Анваровна

**ЧЕЛОВЕК ВО ФРАЗЕОЛОГИИ:
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2007

Работа выполнена на кафедре английского языка государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Байрамова Луиза Каримовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Берков Валерий Павлович

доктор филологических наук, профессор
Арсентьева Елена Фридриховна

доктор филологических наук, профессор
Садыкова Аида Гумеровна

Ведущая организация: Институт языка, литературы и искусств
им. Г.Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан

Защита состоится «28» февраля 2007 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктор филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина» по адресу 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина».

Автореферат разослан «___» _____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.Ю.Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Антропоцентризм стал одним из ведущих направлений лингвистических исследований на рубеже XX–XXI веков, поскольку в языкознании уже было достаточно ярко представлено становление когнитивно-дискурсивной парадигмы. В рамках этой парадигмы исследователями решались вопросы, связанные с получением, кодировкой, хранением и передачей информации разными средствами, в том числе и лингвистическими, что обеспечивалось интеграцией различных областей знания, ведущих к гуманизации научных дисциплин. Одним из аспектов исследования гуманизации явился антропоцентризм, под которым понималось прежде всего положение о человеке как центре и высшей цели мироздания «всех совершающихся в мире событий» [ФЭС 2005: 25]. В науке о языке использование антропоцентрического принципа, или принципа «человека в языке» [Бенвенист 1974], занимает особое место. Согласно принципу антропоцентризма, говорящий человек способен присвоить себе язык в процессе его использования, поскольку «язык не имеет иной объективности, кроме той, которая устанавливается в самых глубинах субъективного» [Guillaume 1971]. Учет этого положения позволяет рассматривать язык как особую семантическую систему, основные «референционные» точки которой соотносятся с говорящим индивидом, а используемые человеком языковые средства выступают как «аутореференционные».

Принцип «человека в языке», или антропоцентризма, утверждался в отечественном языкознании достаточно давно. Ещё в конце XIX века И.А.Бодуэн де Куртенэ в работе «Фонология» (1899) выделял антропофонику как науку, которая занимается «только звуками по существу своему исключительно человеческими, т.е. звуками человеческой речи» [Бодуэн де Куртенэ 1963 I: 354]. В последнее время указанный принцип нашел отражение в работах Н.Д.Арутюновой, А.Вежицкой, Ю.Д.Апресяна, В.М.Алпатовой и других представителей Московской семантической школы. Следование канонам антропоцентризма приобрело особое значение в гуманитарной семантике, которая в отличие от формальной, или логико-математической, изучает и семиотические системы (язык, явления культуры, обычаи и обряды, искусство и т.д.), передающие информацию и действующие в человеческом обществе. Однако принцип антропоцентризма понимается неоднозначно. В лингвистической науке сложились разные подходы к реализации антропологического принципа в зависимости от основополагающей гипотезы. Первый подход предполагает включение «языковой личности» в объект науки о языке (от содержания науки к ее истории) [Караулов 1986: 43], второй отражен в современной лингвистической философии и связан с признанием языка как части человека [Альбрехт 1967: 80–81]; третий признает предметом языкознания человека – пользователя языка [Харитоновна 2004: 11]; и, наконец, четвертый основан на признании языка как той составляющей, которая делает человека человеком. Последний подход к реализации антропологического принципа был разработан еще В.Гумбольдтом, полагавшим, что изучение языка подчинено «цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985: 383]. «Антропологический принцип» Гумбольдта приобрел, начиная с конца 90 годов XX века, особую актуальность в сфере наук о человеке и его языке: лингвогносеологии, лингвосоциологии, лингвоэтнологии, лингвопалеонтологии и, наконец, в лингвокультурологии и философии языка» [Харитоновна 2004: 10–11].

Несмотря на существующие разные подходы и трактовки принципов антропоцентризма, совершенно очевидно, что отечественная и зарубежная лингвистика в последние десятилетия сменила вектор, парадигму развития, поставив в центр внимания человека, творящего язык и творимого языком. Иначе говоря, объявила новый – антропоцентрический – подход к изучению языка. Слоганом этого порядка можно считать название книги Н.Д.Арутюновой «Язык и мир человека» [Покровская 2003: 11].

Исследователи называют этот поворот «антропоцентрическим сдвигом» в филологии конца XX века [Ворожбитова 2003: 43]. Единодушно мнение лингвистов о том, что характерной чертой науки о языке конца XX века является «ориентация на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропоцентрического феномена» [Постовалова 1999: 25]. Поэтому универсальным концептом объявлен человек, и описание этого «важнейшего суперпонятия» [Ерошенко 2003: 18] является задачей антропоцентрической лингвистики. Фрагментарно «языковая» картина человека была реконструирована Ю.Д.Апресяном [Апресян 1995].

Исследование фразеологии на основе принципа «человека в языке» привело к развитию **нового** направления – антропоцентрической фразеологии. Антропоцентрическая фразеология, по мнению некоторых исследователей, переживает в настоящее время «новый стадийный виток» в своем развитии, который можно назвать интерпретирующим, поскольку «именно с интерпретацией связаны теперь надежды на прогресс в теории фразеологии, фразеографической практике и фразеологической дидактике [Алефиренко 2005: 67]. Важнейшей задачей антропоцентрической фразеологии является «исследование соотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов ФЕ, ибо во фразеологическом значении кодируется только часть мыслительной информации, в то время как другая ее часть представляется в психике человека мыслительными образами экстралингвистического характера» [Алефиренко 2005: 71].

В данной работе, написанной в духе антропологической парадигмы лингвистики, антропоцентризм используется как принцип исследования «человека в языке», а конкретнее – «человека во фразеологии». **Актуальность исследования** обусловлена необходимостью изучения фразеологии с позиции антропологической парадигмы лингвистики, представляющей фразеологию «как одну из самых «антропоемких» разделов науки о языке» [Телия 2000: 92]. Подобный обширный и достаточно разрозненный лингвистический материал нуждается в обобщении и теоретическом осмыслении для того, чтобы занять определенное место в системе сопоставительной фразеологии, чрезвычайно важной и пока еще недостаточно изученной области сопоставительной лингвистики. Актуальным представляется и комплексный подход к изучению подобных фразеологических единиц, представленных в разнотипных языках, с позиций лингвистических и экстралингвистических смыслов, поскольку исследуемые фразеологизмы содержат информацию, наполненную дополнительными ассоциативно-эмоциональными элементами.

Продолжением и существенным дополнением антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений, связанных с репрезентацией человека в языке, и прежде всего в интересующей нас фразеологии, должен стать аксиологический аспект, предполагающий определение того, что человек считает ценным для себя, окружающих его людей и общества. Следовательно, аксиологический аспект исследований в лингвистике является закономерным продолжением и дополнением антропоцентрического. Аксиологическим проблемам, связанным с теорией ценностей, посвящались до сих пор главным образом труды философов и социологов.

Однако еще Бодуэн де Куртенэ в своей работе «Введение в языковедение» (1917) писал: «С точки зрения языкового мышления и основанного на нем научного языковедного (лингвистического) мышления, фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы не имеют сами по себе никакого значения. Они становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 276]. Бодуэн де Куртенэ обратил внимание на ценности отдельных языковых единиц: фонем и морфем. В аспекте аксиологии особый интерес представляет анализ того, какие ценности могут выражаться такими важными языковыми единицами, как фразеологизмы.

Аксиологическими проблемами применительно к разным областям знаний занимались В.П.Тугаринов (1960,1968), В.О.Василенко (1964), О.Г.Дробницкий (1967), И.С.Кон (1967), М.С.Каган (1974), В.Г.Смолянский(1977) и др. Проблема ценностей – вечная проблема, ставшая вновь современной и актуальной и связанной с вопросами о полезном и вредном, добре и зле, справедливом и несправедливом, должном и недопустимом, прекрасном и безобразном, об идеале и благе.

Интерес к подобным проблемам у лингвистов и культурологов появился лишь в последние пять – десять лет, что отразилось в коллективном труде «Аксиологическая лингвистика» [М., 2002]. Интерес к этой области знаний и отдельным ее проблемам нашел отражение в трудах Н.Д.Арутюновой, Е.В.Бабаевой, Л.К.Байрамовой, А.Н.Баранова, А.В.Гульги, В.И.Карасика, Н.Г.Комлева, Т.В.Ряполовой, Ю.А.Сорокина, И.Ю.Морковина и др., которые занимались ценностной картиной мира, отраженной в лексике, семантике, различных концептосферах языка и т.д. К сожалению, аксиологическая фразеология пока осталась вне поля зрения современных фразеологов и относится к числу новой и абсолютно не разработанной области лингвистики. Анализ работ по аксиологической лингвистике показал, что антропоцентрические фразеологизмы в аксиологическом аспекте не были в

центре внимания ученых. Остались без внимания и подобные фразеологизмы в сопоставительной лингвистике, особенно при изучении их функциональных особенностей на материале разноструктурных языков.

Этим и обусловлена **научная новизна** диссертационного исследования, которая связана с тем, что в нем **впервые** фразеология русского, английского и татарского языков изучается в аспекте антропоцентризма и аксиологизма; впервые на основе анализа внутренней формы фразеологизмов трех языков определяются лингвистические и экстралингвистические смыслы фразеологизмов; устанавливается парадигма универсальных и уникальных образов антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков; впервые трехязычная фразеология исследуется в аксиологическом аспекте, в том числе в практическом плане – на основе проведенного социолингвистического мониторинга с привлечением фразеологического материала. Научная новизна исследования заключается также в том, что в нем **впервые** рассмотрены в сопоставительном аспекте фразеологизмы (в том числе афоризмы и пословицы), функционирующие в разноструктурных и разнотипных, генетически неродственных языках в зеркале базовых систем ценностей разных социумов, что дает ключ к объяснению основ мировоззрения, а также глубинных мотивов поведения как отдельного человека, так и нации в целом.

При рассмотрении указанных фразеологизмов в рамках антропоцентрического и аксиологического подходов на материале типологически дистантных языков выясняются роль и место данных структур в лексических системах сопоставляемых языков. При этом особое внимание уделяется выработке единого понятийно-терминологического аппарата и вопросам адекватного описания сопоставляемых языковых феноменов. Научная новизна работы заключается также в наличии нового, интегрального подхода к изучению фразеологических единиц, в привлечении дополнительных данных антропоцентрической парадигмы не только языкознания, но и психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, и т. д., дисциплин, апеллирующих к национальному языковому сознанию и проблемам языкового мышления. Анализ образов антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков, проведенный в диссертации, доказывает, что эти образы являются отражением способа мировидения и могут быть определены в рамках культурных кодов как совокупность «окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия 1999: 20–21]. Несмотря на универсальность культурных кодов, их проявление всегда национально детерминировано и обусловлено конкретной культурой. Как показал анализ нашего трехязычного материала, антропоцентричность фразеологизмов предопределяет универсальность образов, тем не менее, внутренняя форма фразеологизмов (их образы, лингвокультуремы), раскрывая самобытность духовной культуры народа, специфику языка, отражает и уникальность образов.

При исследовании фразеологизмов в аксиологическом аспекте в диссертации введено понятие аксиологической фразеологической диады [Багаутдинова 2005; Байрамова, Багаутдинова 2006: 82], представляющей собой единство двух блоков: один из них включает фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными ценностями, а другой – фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными антиценностями. Понятие аксиологической фразеологической диады является универсальным: она может заполняться фразеологизмами разных языков. Так, фразеологические диады, о которых пойдет речь, включают русские, английские и татарские фразеологизмы. Сами ценности/антиценности рассматриваются на различных уровнях: на физиологическом (жизнь – смерть), материальном (богатство – бедность), эмоциональном (смех – плач) и др.

Объектом данного исследования являются антропоцентризм и аксиологизм русских, английских и татарских фразеологизмов.

Предмет исследования – внутренняя форма русских, английских и татарских фразеологизмов и компоненты аксиологических фразеологических диад, глубинная и поверхностная структура фразеологизмов.

В русле направления антропоцентрической фразеологии были определены **цель и задачи данного исследования.**

Основная цель данного исследования состоит в интерпретации и дифференциации русской, английской и татарской фразеологии, в которой получили отражение эмоции, восприятия, ощущения, воля, знания, интеллектуальные способности человека, его характер, свойства, его ценности (аксиологические аспекты), в установлении сходств и различий в структурно-семантической и антропоцентрической организации фразеологизмов.

Исходя из этой цели и общей задачи антропоцентрической фразеологии – исследования соотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов, – в диссертации были поставлены следующие задачи:

- на основе привлекаемых идеографических, психологических исследований, а также исследований по этике дать полное описание и классификацию антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков;
- дать интерпретацию русских, английских и татарских фразеологизмов, отражающих эмоции, восприятия, ощущения, волю, знания, интеллектуальные способности человека, его характер, свойства, его ценности;
- на основе анализа внутренней формы фразеологизмов определить лингвокультуремы, выражающие лингвистические и экстралингвистические смыслы исследуемых фразеологизмов трех языков;
- исследовать аксиологический аспект антропоцентрической фразеологии;
- определить универсальное и лакунарное в антропоцентрической фразеологии русского, английского и татарского языков;
- установить парадигму универсальных и уникальных образов антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков;
- провести социолингвистический мониторинг, раскрывающий отношение русской, английской и татарской молодежи к человеческим ценностям, нашедшим интерпретацию в русских, английских и татарских фразеологизмах.

Результаты проведенного исследования позволяют вынести на защиту следующие положения:

1. Сопоставительное изучение фразеологии разносистемных языков представляется чрезвычайно важным, поскольку именно фразеология является ценнейшим источником сведений о культуре, стереотипах народного сознания, отражающих представления того или иного народа о морали, привычках, обрядах, своеобразии окружающего мира и т. д., становясь достоянием языкового сознания.

2. Фразеология русского, английского и татарского языков должна изучаться в аспекте антропоцентризма и аксиологизма при анализе внутренней формы фразеологизмов трех языков и лингвистических и экстралингвистических смыслов фразеологизмов, что дает возможность установить парадигму универсальных и уникальных образов антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков.

3. При классификации антропоцентрических фразеологизмов по фразеотематическим группам: «Ощущения и восприятия», «Память», «Мышление», «Воображение», «Эмоции и чувства», «Воля», «Свойства личности», фразеосемантическим группам и подгруппам – должен быть применен дефиниционный метод определения значения фразеологизмов и использованы исследования по психологии, философии, этике и сопоставительной лингвистике.

4. Предложенная классификация является универсальной и подходит для исследования антропоцентрических фразеологизмов разных языков.

5. Образы антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков являются отражением способа мировидения и могут быть определены в рамках следующих культурных кодов: а) антропоморфного культурного кода, репрезентирующего человека и части его тела; б) биоморфного культурного кода, репрезентирующего образы животных, птиц, насекомых, растений; в) объектного культурного кода, репрезентирующего образы предметов обихода; построек, жилища, его деталей и т.д.; г) анимического культурного кода, репрезентирующего образы явлений природы; д) мифологического культурного кода, репрезентирующего образы религиозных и сверхъестественных представлений человека, сказочных персонажей и т.п.; е) темпорального культурного кода, репрезентирующего во фразеологизмах представление о времени; ж) пространственного (географического) культурного кода; з) колоративного культурного кода,

репрезентирующего образы, связанные с символикой цвета; и) количественного культурного кода, репрезентирующего образы через единицы измерения, и т.д.

6. Культурные коды образов русских, английских и татарских антропоцентрических фразеологизмов универсальны, тем не менее, внутренняя форма фразеологизмов (их образы, лингвокультура), раскрывая самобытность духовной культуры народа, специфику языка, отражает и уникальность образов.

7. При определении уникальности образов антропоцентрических фразеологизмов необходимо опираться на дефиницию уникалий, понимая под лингвистической уникалией «признаки, свойства, внутрисистемные языковые корреляции, закономерности и т.д., которые обладают параметром ограниченности, единичности, исключительности и специфичности» [Байрамова 2004: 71]. В связи с этим уникальными образами антропоцентрических фразеологизмов необходимо считать те, которые встречаются во фразеологизмах только в одном из языков трехязычного фразеологического поля.

8. Универсальность и уникальность образов русских, английских и татарских фразеологизмов наблюдаются в рамках следующих корреляций универсалий и уникалий: а) универсальные культурные коды – универсальные образы фразеологизмов; б) универсальные культурные коды – уникальные образы фразеологизмов. Эта корреляция получает конкретное наполнение.

9. Исследование антропоцентрических фразеологизмов в аксиологическом аспекте реализуется в рамках аксиологической фразеологической диады, представляющей собой единство двух блоков: а) включающих фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными ценностями, б) включающих фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными антиценностями. Понятие аксиологической фразеологической диады является универсальным: она может заполняться фразеологизмами разных языков.

10. Ценности и антиценности присуще свойство амбивалентности, которое заключается в неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей, что находит отражение и во фразеологии. Свойство амбивалентности используется художниками слова при описании субъективного отношения к ценностям/антиценностям.

11. Анализ аксиологической фразеологии русского, английского и татарского языков свидетельствует о том, “что культуры и их отдельные представители могут быть охарактеризованы по системе ценностных приоритетов, что язык и коммуникативная деятельность выступают важной формой репрезентации ценностей и открывают доступ к ценностно-нормативной системе социума” [Бабаева 2004: 8]. Обращение к опыту философского осмысления той или иной ценности раскрывает тот факт, что фразеологизмы всесторонне отражают отношение человека к ценностям.

12. Русские, английские и татарские пословицы и поговорки в основных своих концептуализациях имеют много общего. Языковая специфика выражается в образном наполнении этих единиц и связана с культурными и национальными особенностями носителей исследуемых языков.

13. Социолингвистический мониторинг как метод исследования аксиологической лингвистики дает возможность проследить, какова аксиология идей того или иного фразеологизма в русском, английском и татарском языках, каким образом она отражается в сознании людей. Результаты мониторинга свидетельствуют в целом о совпадении отношения молодежи (русские, англичане и татары) к различным ценностям/антиценностям, заложенным во фразеологизме, а также представляют асимметрию между моралью, которая содержится в языковых единицах (фразеологизмах, пословицах, поговорках), и мнением современных людей, что относится к области аксиологического плюрализма.

Материалом исследования послужили данные имеющихся на сегодняшний день словарей русской, английской и татарской фразеологии, толковых словарей русского, английского и татарского языков, переводных, двуязычных (русско-татарских, русско-английских, татарско-русских и т.д.), а также специальных: семантического, ассоциативного, идеографического, мифологического словарей русского языка, словаря фразеологических синонимов, образных выражений русского языка, словаря пословиц и поговорок, этимологических словарей исследуемых языков, частотных и т.д., произведения классиков русской, английской и татарской литературы.

По мере необходимости привлекались и словари смежных дисциплин: философские, социологические, психологические, словари по этике и т.д.

Теоретической и методологической базой исследования послужили достижения современной сопоставительной лингвистики в области лексики и фразеологии. Это прежде всего труды Л.В.

Кунина, В.М.Мокиенко, Л.И.Ройзензона, Л.Д.Райхштейна, В.Н.Телия, Ю.Д.Апресьяна, Д.О.Добровольского, Э.М.Солодухо, Ю.П.Сологуба, Л.К.Байрамовой, З.З.Гатиатуллиной, Е.Ф.Арсентьевой и др. Фразеологизмы антропоцентрической направленности, представляющие основу фразеологического фонда любого языка, привлекли внимание таких ученых, как В.М.Мокиенко, Н.Ф.Алефиренко, В.Н.Телия и др. Большинство работ сопоставительного плана ограничиваются, как правило, структурно-семантическим описанием лишь определенных групп ФЕ. Это работы по русско-немецкой фразеосемантической группе «мышление» (Л.С.Куркова), русско-английской характеристике лица (Н.Л.Гоголицына), англо-турецкому описанию внешности человека (Г.Х.Алеева) и т.д. В работе нашли отражение традиции Казанской лингвистической школы и прежде всего работы И.А.Бодуэна де Куртенэ, который полагал, что сравнению подлежат как родственные, так и неродственные языки вне зависимости от исторических связей между ними [Бодуэн де Куртенэ 1963].

При анализе языкового материала в качестве основного метода избран сопоставительно-типологический метод в его системно-функциональной реализации. Практическая ценность подобного метода дополняется аксиологическим подходом к отбору и изучению фразеологического материала русского, английского и татарского языков, что открывает широкие возможности для более глубокого познания межъязыковых явлений и дальнейшей разработки сопоставительно-типологического изучения разносистемных языков. В работе использованы также традиционные методы: описательный, диахронический, дефиниционный, этимологического анализа, переводной и т.д. Новым является и использование метода фразеологических диад и социолингвистического мониторинга, позволяющих на большом практико-социологическом материале проследить аксиологические особенности антропоцентрических фразеологизмов, отражающих своеобразие представлений различных групп общества о ценностях/антиценностях, существующих в том или ином обществе и национальном сознании его носителей.

Теоретическая значимость. В диссертации разработана научная концепция универсальности структуры внутренней формы антропоцентрических фразеологизмов, основанная на единстве лингвистических и культурологических факторов; разработана научная концепция универсальности фразеологических диад, определена роль когнитивного подхода к изучению антропоцентрических фразеологизмов, занимающих особое место в общей фразеологической системе генетически неродственных языков.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в лексикографической практике при составлении словарей антропоцентрической фразеологии сопоставительного плана. Материалы исследования также могут быть использованы в вузовских лекционных курсах по сопоставительной фразеологии, в спецкурсах, касающихся основных проблем контрастивного и сопоставительного изучения антропоцентрической фразеологии в разносистемных языках. Кроме того, материалы исследования могут привлекаться при изучении русского языка как неродного и как иностранного в вузе, национальной школе, поскольку сведения, содержащиеся в диссертации, способны углубить знания студентов и учащихся в области фразеологии и повысить интерес к изучению этой лингвистической дисциплины. Диссертация представляет богатейший практический материал, который может быть использован и специалистами смежных наук: философии, социологии, психологии и др.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедр английского языка, сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, романо-германской филологии, современного русского языка и русского языка как иностранного, татарского языка Казанского государственного университета. Результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в 30 научных работах автора, монографии и в четырех учебно-методических пособиях.

Основные результаты, полученные в ходе исследования, докладывались и обсуждались на ежегодных итоговых научных конференциях в Казанском государственном университете, ежегодных республиканских и всероссийских научных конференциях «Язык и методика его преподавания» (Казань: КГУ, 1996–2006); научно-практической конференции «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань: КГУ, 2005); межрегиональной научно-теоретической конференции «Литература, язык и художественная культура в современных процессах социокультурной

коммуникации» (Уфа: БашГУ, 2005), а также на международных научных и научно-практических конференциях: «Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии» (Волгоград, 1999); «Глобализация и национальная самобытность. Форум языков» (Казань, 2003); «Проблемы этнолингводидактики в поликультурной среде» (Москва – Чебоксары, 2004); «Межкультурные коммуникации. Типология языков. Теория перевода» (Москва – Казань: МГУ – КГУ, 2004); «Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания» (Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2005); «Человек во фразеологии и лексике славянских языков» (Щецин, 2005); «И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания» (Казань: КГУ, 2006); «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры» (Кострома: Костромск. гос. ун-т, 2006); «Фразеологические чтения памяти профессора В.А.Лебединской» (Курган: Курганск. гос. ун-т, 2006); «Славянская фразеология и прагматика» (Rub, 2006).

Структура диссертации. Структура работы определяется целью исследования и подчинена логике поэтапного исследования поставленных задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и лексикографических источников, содержит рисунки, таблицы и приложение.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность изучаемой проблемы, определяется новизна поставленных в диссертации проблем, формулируются основные цели и задачи исследования, уточняется терминологический аппарат.

Глава 1. «Образы культурных кодов русских, английских и татарских антропоцентрических фразеологизмов» посвящена определению содержания культурных кодов фразеологизмов, компонентному анализу и соотношению их глубинной и поверхностной структуры (на примере различных фразеосемантических групп) и включает четыре раздела.

В разделе **1. «Внутренняя форма фразеологизма и фундаментальные лингвистические и экстралингвистические смыслы русских, английских и татарских антропоцентрических фразеологизмов»** анализируются идеи исследователей одного из центральных параметров межязыкового сопоставления – понятия «внутренняя форма» языковых единиц, которая становится своеобразным окном, помогающим видеть когнитивные и духовные особенности национальных языковых картин мира [Манакин 2005: 138].

Сущностные свойства признака, который прежде всего бросается в глаза и глубже, чем другие признаки, волнует наши «чувства воображения», впервые сформулированные Ф.И.Буслаевым [Буслаев 1861], были обобщены в понятии «внутренней формы» В. фон Гумбольдтом, Г.Штейнталем, В.Вундтом [Гумбольдт 1984: 182].

Опираясь на теорию В. фон Гумбольдта и выдвигая понятие апперцепции как «участия известных масс представлений в образовании новых мыслей», А.А.Потебня рассматривает внутреннюю форму не только с оригинальной, собственно лингвистической, но и с психологической точки зрения [Потебня 1972: 83; 1999: 240]. Предложенная А.А.Потебней идея о различении языковых и внеязыковых знаний о соответствующем объекте номинации заложила основы семасиологического осмысления внутренней формы [Потебня 1976: 20].

Обзор трудов фразеологов, анализирующих внутреннюю форму фразеологизмов, раскрывает достаточно противоречивую картину, которая фрагментарно представлена в работах Н.Ф.Алефиренко, Л.Г.Золотых [Алефиренко 1993: 37–41; Алефиренко 2003: 62–71; Алефиренко, Золотых 2000: 129–136] и др. Так, по мнению В.В.Виноградова, «внутренняя форма слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, может уясняться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [Виноградов 1947: 18]. По мнению В.П.Жукова, фразеологизм является «носителем образного представления, подлежащего дальнейшему преобразованию в понятие», а внутренняя форма «живет в семантической структуре фразеологизма» [Жуков 1986: 99]. По мнению А.В.Кунина, внутренняя форма мотивирует образность языковой единицы, основанную на деривационных связях ее значения со значением прототипа [Кунин 1986:

149]. В.Н.Телия видит во внутренней форме фразеологизма «мотивирующее основание коннотации» [Телия 1986: 48].

Несмотря на отсутствие единства в определении внутренней формы, отметим, что учет всех существующих мнений дает возможность наиболее полно исследовать фразеологизмы разных языков.

Большое значение для исследования антропоцентрических фразеологизмов имеет определение, данное А.А.Потебней: «В слове мы различаем: внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание. При некотором внимании нет возможности смешать содержание с внутренней формой» [Потебня 1999: 156]. Этому определению созвучна идея В.М.Мокиенко: «Совмещенность диахронической (внутренняя форма) и синхронической (фразеологическое значение) характеристик создает особую усложненность семантики фразеологизма» [Мокиенко 1986: 244].

Именно этот этимологический аспект исследования внутренней формы антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков был принят нами за основу.

В качестве единицы этимологического анализа фразеологизмов выступает лингвокультура, самое общее содержание которой было определено В.В.Воробьевым [Воробьев 1994]. Впервые понятие лингвокультуры при исследовании фразеологии было использовано Г.В.Токаревым [Токарев 2003: 63]. По мнению ученого, «лингвокультура отражает результаты взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры» и одним из компонентов означаемого лингвокультуры является языковой образ.

Проведенный анализ различных трактовок понятия «внутренняя форма» позволяет раскрыть научные перспективы в проблеме сопоставления антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков в новом ракурсе, а именно: в аспекте двух основных компонентов внутренней формы: 1) ее образной основы и 2) лингвокультуры.

В разделе **2. «Классификация антропоцентрических фразеологизмов»** предлагается классификация антропоцентрических фразеологических единиц русского, английского и татарского языков, составленная на основе классификационных трактовок эмоций, чувств, характера и свойств человека, представленных в научных работах по общей психологии [Гоноболин 1973; Рубинштейн 1999; Петровский 2001; Нуркова 2005 и др.], в исследованиях по этике [СЭ 1989], в лингвистических трудах [Мир человека и мир языка 2004; Романов 2004] и др. При этом использовался дефиниционный метод определения значения фразеологизмов.

Классификационная иерархия антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков представляет собой семь фразеотематических групп, включающих двадцать восемь фразеосемантических групп и сорок фразеосемантических подгрупп. Предложенная классификация является универсальной и может быть использована для исследований антропоцентрических фразеологизмов разных языков.

В разделе **3. «Образы и лингвокультуры антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков»** рассматриваются образы и лингвокультуры антропоцентрических фразеологизмов разных языков.

Многие известные фразеологи подчеркивали важность исследования системы образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, поскольку «в образном основании фразеологизмов разных типов особенно конденсированно воплощаются характерные черты мироведения лингвокультурной общности» [Телия 1999: 23]. Этой проблеме посвящены специальные работы по языку и его образам [Черданцева 1977; Мокиенко 1986], а также словари [Словарь образных выражений русского языка 1995 и др.].

По мнению А.А.Потебни, центром образа является внутренняя форма. Однако семасиологические и ономазиологические исследования В.П.Жукова, А.М.Мелерович, В.М. Мокиенко, М.И.Сидоренко, В.Н.Телия и др. «демонстрируют тенденции к редукции в различении этих понятий, что находит свое объяснение в задачах исследования: акцентирование внимания на семасиологической и ономазиологической специфике языкового образа, а не на прагматическом эффекте, который он производит» [Токарев 2003: 94]. Некоторые исследователи синонимически используют термины «внутренняя форма» и «языковой образ» [Токарев 2003: 94]. К подобным синонимам мы добавляем и

понятие лингвокультуры (в случае ее присутствия), то есть внутренняя форма = образ (+ лингвокультура).

Образы и лингвокультуры антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков рассматриваются в порядке предложенной в разделе 2 классификации по фразеотематическим и фразеосемантическим группам и фразеосемантическим подгруппам.

В **первой** фразеотематической группе «Ощущения и восприятия» перечислены значения ощущений многообразия окружающего мира во всех формах его проявления и представлены соответствующие фразеосемантические группы.

Фразеосемантическая группа «Зрительные ощущения и восприятия» включает фразеологические единицы русского, английского и татарского языков, в которых почти без исключения присутствует лексема *глаз/an eye/күз*, поскольку орган зрения «глаз» является локусом зрительных ощущений: рус. *пробежать глазами*; англ. *appear to smb's eyes*; тат. *күз алдыннан югалу*.

Однако в каждом из сопоставляемых языков имеются фразеологизмы с оригинальными лингвокультурами. В русском языке – это фразеологизмы *не видно ни зги*, этимология которого до сих пор вызывает споры среди фразеологов и *хоть глаз/глаза выколи*, заключающий лингвокультуру, связанную с древней пыткой, существовавшей некогда на Руси – выкалывать преступникам глаза.

В татарском языке фразеологизм *дүрт күз белән карау* (букв. смотреть четырьмя глазами) содержит лингвокультуру, связанную с употреблением татарами числительного дүрт (четыре) для передачи интенсивности.

Фразеологизмы, входящие в состав фразеосемантической группы «Слуховые ощущения и восприятия», наряду с универсальным для анализируемых языков образом уха, передаваемым лексемой *ухо/ear/колак* (рус. *навести уши/слух*; англ. *prick up one's ears*; тат. *колак торгызу*), имеют и уникальные культуры. Так, английский фразеологизм *(as) deaf as an adder* (букв. глухой как гадюка/уж) не имеет русских и татарских аналогов.

Фразеологические единицы русского, английского и татарского языков, составляющие фразеосемантическую группу «Осязательные ощущения», отличаются амбивалентностью и содержат соматизмы *спина, тело, зуб, голова, сердце* и др.: рус. *мурашки бегают/ползут по коже/спине/по телу*; англ. *be chilled/frozen to the marrow*; тат. *теше теишкә тими* и др.

В русских, английских и татарских фразеологизмах со значением голода, относящихся к фразеосемантической группе «Ощущения голода, жажды, насыщения», представлена общая для этих языков лингвокультура – голодный волк. В английских фразеологизмах используются образы ястреба: *(as) hungry as a hawk*, а также охотника: *(as) hungry as a hunter*. А в татарском языке – образ собаки: *урта авылның этләре өрә* (букв. лают собаки средней деревни), где шутливо-эвфемистически желудок назван 'средней деревней' (*урта авыл*).

Во фразеологизмах, составляющих фразеосемантическую группу «Ощущения боли», использованы лексем-соматизмы соответственно локусу боли: *горло/throat/тамак; stomach/эч; сердце/heart/йөрәк; голова/head/бау*. Оригинальным является образ бабочек в английском фразеологизме *get/have butterflies in one's stomach*.

Фразеосемантическую группу «Ощущение усталости» формируют фразеологизмы, образные компоненты которых в русском, английском и татарском языках в целом совпадают: рус. *в глазах темнеет/мутится/зеленеет*; англ. *he can't keep his eyes open* – глаза закрываются (от усталости); тат. *күз алды/аллары караңгылану/чуарлану* – темнеть, пестреть в глазах.

Фразеологизмы фразеосемантической группы «Кинестетические ощущения» передают значения данных ощущений одинаковыми образами во всех анализируемых языках, что связано с универсальностью характера физиологических функций частей человеческого тела.

Вторая фразеотематическая группа «Память» включает фразеологизмы, в семантике которых нашли отражение такие психические процессы, как запоминание, сохранение информации, воспроизведение и забывание.

Основными компонентами, формирующими значение фразеологизмов фразеосемантической группы «Запоминание», являются лексем: рус. *память, голова*; англ. *mind* (ум, память), *memory* (память), *head* (голова); тат. *хәтер* (память), *бау* (голова), которые сами по себе относятся к семантическому полю мыслительной деятельности. Однако, в отличие от английских фразеологизмов,

в русских и татарских фразеологизмах используются и другие соматизмы, не символизирующие мыслительную деятельность: рус. *нос*; *ус*; тат. *мыек* (*ус*); *колак* (*ухо*). Данные фразеологические единицы имеют непрозрачную внутреннюю форму и нуждаются в этимологических изысканиях, раскрывающих лингвокультуры. Так, например, татарский фразеологизм *мыекка чырнау* (букв. намотать на ус) является калькой русского фразеологизма, содержащего компонент *ус/мыек* – символ-атрибут мужской зрелости и опыта у русских и татар. Фразеологи объясняют происхождение фразеологизма с лексемой *ус* – нервной привычкой крутить усы во время размышления [СРФ 1998: 587].

Некоторые английские фразеологизмы содержат компоненты, указывающие на новизну информации, например: *smb's memory is green* – ‘что-либо еще свежо в чьей-либо памяти’, где *green* – ‘зеленый’, ‘свежий’.

Лингвокультура татарских фразеологизмов, входящих в состав фразеосемантической группы «Воспроизведение информации в памяти», основана на образном представлении о памяти как о чем-то сложном, закрытом, что олицетворяет клубок, который надо распустить – *хәтер йомгагын сүтү* (букв. распустить клубок памяти) – вспомнить все по порядку; или сундук – *хәтер сандыгы* (сундук памяти).

Процесс забывания нашел отражение в русских, английских и татарских фразеологизмах, вошедших во фразеосемантическую группу «Забывание»: рус. *захлестнуло в памяти*; англ. *pass out of mind* – исчезать из памяти; тат. *хәтерен кәжә ашаган* – память коза съела.

Третья фразеотематическая группа «Мышление» отличается обширностью и необычайным разнообразием по семантике входящих в нее фразеологизмов. Фразеосемантическая группа «Общее целенаправленное мышление» включает русские, английские и татарские фразеологизмы, характеризующие мышление как процесс, направленный на конкретный объект: рус. *ломать голову* (*над чем-либо*); англ. *addle one's brain/head with smth*, тат. *башка/аңга сеңдерү*.

Лингвокультуры ряда фразеологизмов фразеосемантической группы «Целенаправленная оценочно-мыслительная деятельность» основаны на оценке, которая представлена компонентами со значением меры: рус. *аршин* (*мерить/мерять на свой аршин*), англ. *bushel* (*measure smb.'s corn by one's own bushel*), тат. *аршын* (*үз аршынына үлчәү*).

Лингвокультуры некоторых фразеологизмов фразеосемантической группы «Целенаправленное аналитико-синтетическое мышление» появились в результате миграции из различных сфер интеллектуальной деятельности устойчивых выражений, раскрывающих аналитико-синтетический принцип мышления: рус. *проводить параллель*; англ. *draw a parallel (between)*; тат. *параллель үткәру*.

Фразеосемантическая группа «Индивидуальные особенности мышления. Умственные способности» семантически неоднозначна. Здесь выделяются фразеологизмы с позитивной характеристикой умственных способностей человека: рус. *ума палата*; англ. *know enough to come out of the rain*; тат. *акыллы баш*. Фразеологизмы этой подгруппы отличаются амбивалентностью. Во фразеологизмах с негативной характеристикой умственных способностей отрицательный образ создается с помощью эпитетов: рус. *мякинная голова*; англ. *a wooden head*; тат. *кабак баш*, сравнений: рус. *глуп как сивый мерин*; англ. *(as) stupid as an owl*; тат. *аңгыра сарык кебек*.

Отсутствие ума и элементарных знаний во фразеологизмах трех языков передается отрицательными конструкциями: рус. *пороха не выдумает*; англ. *not to have/get a brain in the head*; тат. *алифне таяк дин белмәү* (букв. не знать даже, что первая буква алиф изображается/пишется просто как палка), а также лексемой со значением ‘пустоты’: рус. *пустая голова/башка*; *пуст как бубен*; англ. *shallow brains*; тат. *буш баш*.

Четвертая фразеотематическая группа «Воображение» объединяет фразеологизмы русского, английского и татарского языков, передающие активность, действенность воображения, а также пассивность, уход человека в область неосуществимых мечтаний.

Фразеосемантическая группа «Активное творческое воображение» включает антропоцентрические фразеологизмы, отражающие произвольное и непроизвольное создание разнообразных новых образов, представлений о будущем: рус. *заглядывать вперед*; англ. *have in one's eye*; тат. *киләчәкне күз алдына китерү*.

Фразеосемантическую группу «Активное воссоздающее воображение» составляют фразеологизмы трех языков, кодирующие создание человеком образов, а также его перевоплощение в тот или иной образ: рус. *влезать в шкуру/в кожу кого-либо или чью-либо*; англ. *be/stand in smb's shoes*; тат. *кыяфәткә керү* – войти в образ.

Фразеосемантическая группа «Преднамеренное пассивное воображение» включает пять фразеосемантических подгрупп: 1) «Фантазерство, бесплодная мечтательность» (рус. *спроить воздушные замки*; англ. *catch at shadows* (букв. ловить в тенях); тат. *хыял дәрҗасына бату* (букв. утонуть в реке мечтаний); 2) «Пессимизм» (рус. *в черном цвете*); англ. *see through blue glasses*; тат. *өмет шамен сүндерү* (букв. погасить свечу надежды); 3) «Идеализирование» (рус. *смотреть сквозь розовые очки*; англ. *see through rose coloured glasses/spectacles*; тат. *алсу/зәңгәр күзлектән карау*); 4) «Преувеличение» (рус. *из мухи делать слона*; англ. *all one's geese are swans* (букв. все чьи-либо гуси являются лебедями); тат. *тузаннан тубал ясау* (букв. из пыли делать котел); 5) «Недальновидность» (рус. *не видеть дальше своего/ собственного носа*; англ. *not to be able to see beyond one's nose* (букв. быть не в состоянии видеть выше носа); тат. *борын төбеннән ары күрмәү* (букв. не видеть дальше, чем у себя под носом).

Все антропоцентрические фразеологизмы фразеотематической группы «Воображение» отличаются амбивалентностью, особенно при передаче оттенков значений пассивного воображения.

Пятая фразеотематическая группа «Эмоции и чувства человека», характеризующая эмоциональную область жизни человека, связанную с отражением мира в его сознании, является исключительно обширной и разнообразной по семантике входящих в нее фразеологизмов.

Учитывая многоаспектность сложного мира эмоций, качественное содержание чувств, их активность и пассивность, полярность и неопределенность и нейтральность и т.д., необходимо выделить здесь фразеосемантические группы: 1) «Моральные чувства», 2) «Интеллектуальные чувства», 3) «Эстетические чувства».

Область моральных чувств является наиболее обширной и характеризуется повышенной вариативностью, апплицируемостью разнообразных эмоциональных состояний, наличием многочисленных переживаний. Это ярко выразилось во фразеологизмах данной группы, что позволило выделить в пределах группы «Моральные чувства» тринадцать фразеосемантических подгрупп.

Фразеосемантическую подгруппу «Любовь» составляют антропоцентрические фразеологизмы, основная часть которых в русском, английском и татарском языках передает высшую степень интенсивности данного психического состояния: рус. *терять/потерять голову*; англ. *be death on*; тат. *башины югалту* (букв. потерять голову).

Исследователь концепта «Любовь» С.Г.Воркачев обнаружил, что в английских пословицах зафиксировано около 170 единиц, связанных с концептом любви, в русских – около 220, что свидетельствует о меньшем интересе к этому чувству английского паремнологического сознания [Воркачев 2003: 23–95].

Основная часть русских, английских и татарских фразеологизмов этой подгруппы объединена лингвокультурами, выделяемыми на основе базовых образов: *сердца/heart/йөрәк* (символа любви) и *головы/head/баш* (символа разума): рус. *отдавать сердце*; англ. *lose one's heart to smb.* (букв. потерять сердце); тат. *йөрәгенә үтәп керү* (букв. войти в сердце). В русских и татарских фразеологизмах используется еще компонент *душа/күңел*: *души не чаять – күңелгә ошау* (букв. понравиться душе).

Высокая степень любви в языках проявляется как готовность умереть за нее: рус. *любить (до смерти)*; англ. *be death on*; тат. *үлә-үлә ярату*. В русских и татарских фразеологизмах состоянию влюбленности соответствует образ огня: рус. *сгорать от любви*; тат. *мәхәббәт утында яну*, а в английских – образ морской глубины: *be fathoms deep in love*.

В рамках фразеосемантической подгруппы «Гордость» устанавливаются лингвокультуры, в основе которых лежат образ высоко поднятой головы и образ высоко поднятого носа, репрезентирующий высокомерие, чванливость, зазнайство: рус. *задирать/драть/ поднимать нос*; англ. *with one's nose in the air* (букв. с носом в воздухе); тат. *борынын югары тоту* (букв. держать нос высоко).

Кроме того, продуктивна и лингвокультурема с образом домашних птиц, своими повадками напоминающих чванливых зазнаек: рус. *важничать как петух на навозной куче*; англ. *play the peacock*; тат. *этэч куразы* (букв. петух из петухов).

Фразеологизмы русского, английского и татарского языков, передающие состояния негодования, гнева и ярости, формируют фразеосемантическую подгруппу «Возмущение. Негодование. Гнев. Ярость». Данные фразеологизмы указывают на высокую степень градуальности, смежности обозначаемых чувств и эмоций, отражают переходность, амбивалентность эмоциональных состояний, что подтверждается и дефинициями к словам, обозначающим эти чувства: *возмущение* – сильный гнев, негодование; *негодование* – возмущение, крайнее недовольство; *гнев* – чувство сильного негодования, возмущения, раздражения; *ярость* – сильный гнев, озлобление.

Ряд фразеологизмов трех языков обозначают экстремальность, состояние аффекта, которое стремительно овладевает человеком, бурно протекает и характеризуется нарушением волевого контроля: рус. *дойти до белого каления*; англ. *to be on the rampage* (букв. быть в сильном возбуждении); тат. *ачу кабару* – вспыхивать злобой.

Татарские фразеологизмы с компонентом *ачу* ('гнев', 'злоба', 'ярость', 'злость') передают степень нарастания этого чувства: *ачу кузгалу* (начало появления гнева); *ачу килу* (прийти гневу); *ачу кубу* (гнев поднялся); *ачу кабару* (гнев поднялся в большем объеме); *ачу кайнау* (гнев кипит), *ярылырга жэти* (человек в таком состоянии ярости, что может лопнуть, треснуть).

Часть анализируемых фразеологизмов с семантикой гнева, ярости объединены лингвокультуремами, выделяемыми на основе образов животных: рус. *как разъяренный бык*; англ. *(as) fierce as a bull in fits/as a tiger* (букв. как разъяренный бык/как свирепый тигр); тат. *кытырган эт шикелле* (букв. как бешеная собака).

В данной подгруппе можно выделить фразеологизмы с оригинальной внутренней формой. Русский фразеологизм *метать перуны* в основе лингвокультуремы содержит образ верховного языческого божества Перуна. Английское и американское языковое сознание, проявившееся в негативном отношении к ирландцам и индейцам, передают фразеологизмы: *get one's Irish up*; *get one's Indian up*. Среди татарских фразеологизмов оригинальную лингвокультурему с образом восточного мужчины, усы у которого вздымаются в гневе, передают фразеологизмы: *мыегы тырнаю*, *мыегы үрә тору* (букв. его усы торчат, его усы вздымаются).

Фразеосемантическую подгруппу «Обида» представляют русские, английские и татарские фразеологизмы, имеющие лексему со значением 'обида'. В основе одинаковой для всех трех языков лингвокультуремы лежит образ надутых губ: рус. *губы надуть* (ср. поговорку *Федул, что губы надул?*); англ. *take (up) a lip*; тат. *ирен турсайту*.

Фразеологизмы фразеосемантической подгруппы «Страдание. Горе. Печаль. Скорбь», которые передают амальгаму чувств, соответствующих состоянию печали, горя, страдания, во всех трех языках содержат компоненты 'сердце', 'голова', в русском и татарском языках – еще и компоненты 'нос', 'душа'. Причем данные состояния сопровождаются характерными телесными движениями: рус. *вешать нос (на квинту)*; англ. *hang (down) one's head*; тат. *борынны салындыру*; а также слезами: рус. *лить слезы*; англ. *cry like a baby*; тат. *күз яшен түгү*.

Фразеосемантическая подгруппа «Страх. Испуг. Ужас» включает фразеологизмы сопоставляемых языков, отражающих ощущения, сопровождающие состояние страха. Лингвокультурема, основу которой составляют образы частей тела, репрезентирующие страх, испуг, ужас является весьма продуктивной: рус. *зуб на зуб не попадает*; англ. *one's tongue failed on*; тат. *кан ката*.

Лингвокультуремы фразеологизмов фразеосемантической подгруппы «Сомнение. Растерянность. Недоумение» также заключают образы частей тела человека: рус. *терять почву под ногами*; англ. *shake one's head*; тат. *баиш кашу*.

Особенностью фразеологизмов, входящих в фразеосемантическую подгруппу «Удивление. Изумление», является то, что в их семантике отражаются внешние проявления состояния удивления: рус. *глаза на лоб лезут*; англ. *take big eyes*; тат. *иңбаишларны жыеру*. В основе выделения лингвокультурем ФЕ данной подгруппы также лежат образы частей тела человека (глаза, брови, руки, плечи, язык).

Фразеосемантическая подгруппа «Радость. Восторг. Восхищение» объединяет фразеологизмы трех языков, в содержании которых концентрируется гамма чувств, близкая к состоянию счастья. Русский,

английский и татарский фразеологизмы: рус. *попадать на седьмое небо*; англ. *be on the seventh heaven* и тат. *күкнең жиденче катында булу* имеют библейский и коранический источники, раскрывающие представления о небе как о семи вращающихся хрустальных сферах, где седьмая сфера – рай.

Небезынтересно отметить, что отдельные фразеологизмы фразеосемантической подгруппы «Облегчение. Успокоение» содержат образ поглаживающей руки, который указывает на знахарский прием снятия боли, тревоги, сглаза и т.д.: рус. *как рукой сняло*; англ. *smooth one's/smb.'s ruffled/rumpled feathers*; тат. *кул белән сыйпап алгандай булу*.

Сопоставляемые фразеологизмы, формирующие фразеосемантическую подгруппу «Безразличие. Равнодушие», свидетельствуют об отсутствии радикальных культурно-психологических отличий в характере русской, английской и татарской личности: рус. *ни рыба, ни мясо*; англ. *neither fish nor flesh*; тат. *ни он түгел ни камыр түгел* (букв. ни мука, ни тесто).

Фразеосемантическая группа «Интеллектуальные чувства» включает фразеологизмы русского, английского и татарского языков, раскрывающие такие виды интеллектуальной деятельности, как любознательность и удивление (фразеосемантическая подгруппа «Увлеченность»).

Образ огня (*fire* и *сгорать*) в английских и русских фразеологизмах: ср. англ. *catch/take fire*, рус. *воспылать интересом*; *сгорать от любопытства* сближает эти фразеологизмы по линии внутренней формы, а также указывает на семантическую близость данных фразеологизмов с русскими и татарскими фразеологизмами, раскрывающими особенности чувства любви (ср. рус. *сгорать от любви*; тат. *махэббат утында яну*) и чувства ненависти (ср. рус. *пылать ненавистью*; тат. *нэфрэт уты белән яну* (букв. гореть огнем ненависти)).

Раскрытию семантики части фразеологизмов, входящих в подгруппу «Увлеченность», способствуют компоненты-соматизмы *голова/head/баш*: рус. *погрузиться с головой*; англ. *be head over ears in work*; тат. *башы-аягы белән чуму*. Большую степень увлеченности работой в английском фразеологизме подчеркивает компонент *ears* (уши); высшая степень увлеченности в татарском фразеологизме достигается диадой *баш-аяк* (голова-нога), символизирующей полную охваченность человека своим увлечением (*с ног до головы*).

В русских, английских и татарских фразеологизмах, формирующих фразеосемантическую группу «Эстетические чувства», присутствуют компоненты *сердце/душа/heart/жәң*, передающие глубину проникновения эстетического впечатления. Высшую степень эстетического воздействия демонстрируют фразеологизмы: рус. *сходить с ума*; англ. *tickle to death*; тат. *акылдан шашу*. О глубине переживаемого свидетельствует и русский фразеологизм с положительной коннотацией: *задеть за живое*, этимологически восходящий к эллиптической форме устаревшего фразеологизма *задеть за живое мясо* – ‘пораниться’ [СРФ 1998: 186] и по своей образности не имеющий аналога среди английских и татарских фразеологизмов.

Шестая фразеотематическая группа «Воля» представлена антропоцентрическими фразеологизмами, отражающими проявления волевых процессов. Учитывая сложность волевой деятельности (на что указывают психологи) и многообразие всех волевых качеств, нашедших выражение в ФЕ русского, английского и татарского языков, в пределах данной группы можно выделить несколько подгрупп.

Антропоцентрические фразеологизмы подгруппы «Самостоятельность» характеризуются наличием компонентов *сам, свой, собственный*; англ. *oneself, own*; тат. *үз*, лежащих в основе лингвокультуры, репрезентирующей самостоятельность: рус. *жить своим умом*; англ. *get/have one's own way*; тат. *үз аягында яхшы басып тору*.

Фразеосемантическая подгруппа «Волевая пассивность» включает фразеологизмы, кодирующие отсутствие самостоятельности в убеждениях и поступках человека. Русский и английский фразеологизмы *плясать под чужую дудку* и *dance after/to smb.'s pipe* – танцевать под чью-либо дудку имеют один источник – басню Эзопа, известную русскому читателю в переложении И.А.Крылова как «Рыбья пляска». Татарский фразеологизм *кеше кубызына бию*, по-видимому, является калькой, но имеет восточный колорит – лексему со значением восточного инструмента – *кубыз*.

Лингвокультуры фразеологизмов, составляющих фразеосемантическую подгруппу «Решительность», имеют разные источники. Для русских и английских фразеологизмов *разрубить гордиев узел* и *cut the Gordian knot* – это древнегреческий миф об Александре Македонском. Для русских фразеологизмов *сжигать (свои) мосты*, *сжигать (свои) корабли* – это военные события, во

время которых решительные полководцы сжигали за собой мосты, корабли, чтобы сохранить своих воинов [СРФ 1998: 389; Collins 2005: 50].

Источником лингвокультуры фразеологизма *брать в шоры* является речь извозчиков, в которой упоминались *шоры* – наглазники для лошади, прикреплявшиеся к уздечке так, чтобы лошадь не могла смотреть по сторонам и пугаться чего-либо [СРФ 1998: 640]. Лингвокультуры английских фразеологизмов *gaps the nettle* (букв. схватить крапиву); *take the plunge* (букв. нырнуть); *go at it bald-headed* (букв. идти к этому/на это лысым, т.е. незащищенным) основаны на житейских образах.

Во фразеосемантической подгруппе «Нерешительность» можно выделить русские и английские фразеологизмы, в основе которых лежат образы, связанные с военной сферой деятельности, где особенно ценится такое качество, как решительность: рус. *пороху не хватает*; англ. *hang fire*.

Источниками лингвокультурем фразеологизмов трех языков, формирующих фразеосемантическую группу «Настойчивость», являются не только образы, которые присутствуют в общеупотребительной лексике, но и образы, связанные с профессиональной речью: рус. *нажимать на все педали* (из речи спортсменов); англ. *sit tight* (карт. игра в покер).

В основе русских, английских и татарских фразеологизмов, входящих в группу «Упрямство», лежит классический символ упрямства – *осел/ишак/мул*, на котором построены лингвокультуры ФЕ: рус. *упрямый как осел*; англ. *(as) obstinate/stubborn as a mule*; тат. *ишак кебек кире*.

Фразеосемантическую подгруппу «Выдержка» составляют фразеологизмы трех исследуемых языков, в которых умение человека владеть собой часто передается с использованием компонентом-соматизмов: рус. *держат себя в руках*; англ. *bite one's lip*; тат. *теи кысу* (букв. стиснуть зубы).

Во всех трех языках прослеживается семантическая параллель обуздания человеком своих чувств с обузданием лошадей, поэтому во фразеологизмах: рус. *держат себя в узде*, англ. *keep a check*, тат. *йөгәнләп тоту* использованы компоненты *узда/check/йөгән(ләу)*.

Фразеосемантическую подгруппу «Несдержанность» составляют фразеологизмы, в основе которых лежит образ человека, ведущего себя безрассудно, дико, не думающего о последствиях. Данную фразеосемантическую группу представляют ФЕ с обозначением таких человеческих черт, как вспыльчивость, необузданность: рус. *как с цепи сорвался*; англ. *play the wild* (букв. играть дикаря); тат. *чылбырдан ычкынгандай* – как с цепи сорвался.

Каждый человек обладает своими индивидуальными особенностями. Психологическое своеобразие личности, особенности проявления ума, внимания, чувств в различных обстоятельствах, а также отношение человека к этим обстоятельствам нашли отражение в фразеологии русского, английского и татарского языков, что позволило выделить **седьмую** фразеотематическую группу «Свойства личности», в которой антропоцентрические ФЕ распределились по фразеосемантическим группам и подгруппам. Фразеосемантическая группа «Отношение человека к коллективу и отдельным людям» состоит из девятнадцати подгрупп ФЕ, раскрывающих ряд свойств личности.

Лингвокультуры фразеологизмов, номинирующих такие свойства личности, как доброта и искренность, строятся на образах *сердца/души/heart/күңел*. Только *доброе* сердце обязательно большое, великое, открытое, золотое (рус. *золотое сердце*; англ. *a big heart*), *добрая* душа обязательно *широкая* (тат. *киң көңелле*); а *искреннее* сердце и душа – открытые, распахнутые (рус. *душа нараспашку*; англ. *open one's heart to smb.*; тат. *эчендәге тышында*).

Многие фразеологизмы русского, английского и татарского языков фразеосемантической подгруппы «Лицемерие. Неискренность» своим компонентным составом однозначно указывают на фальшь: *двойной/double*; *кривить*; *двуликий*; *false/ялган*; *ике яклы*: рус. *кривить душой*; англ. *a double gate*; тат. *ике яклы пычак*.

В основе выделения лингвокультуры со значением *хитрости* лежит образ животного, за которым в народе закреплено представление о его хитрых повадках. Образы животных при обозначении хитрости человека могут и не совпадать: рус. *гусь лапчатый*; англ. *play possum*; тат. *төлке белән хәйләгә куян да оста, тик нишләсен – койрыгы кыска* (на хитрость и заяц не хуже лисы мастак, а до дела дойдет – не выходит никак).

Значение *жестокости* фразеологией анализируемых языков представлено достаточно скромно и передается компонентами, обозначающими твердые, холодные, жесткие объекты: рус. *каменное сердце*; англ. *as hard as nails/a bone/stone/nether* (букв. твердый как гвозди/кость/камень/адский жернов); тат. *каты күңелле* (букв. с твердой душой).

Образное сходство наблюдается в русских и татарских фразеологизмах, определяющих такое свойство личности, как *назойливость*. Оно выражается в наличии лексем, обозначающих липкие, липнувшие предметы: рус. *липнет как смола*; тат. *мунча яфрагы кебек ябышу*. В английских фразеологизмах значение назойливости передается с помощью образов животных: *a dull dog*; *talk a dog's/a donkey's/a horse's hind leg off* – утопить кого-либо многословием, замучить разговорами.

Чувство *зависти* в русских, английских и татарских фразеологизмах передается с помощью лексемы 'зависть'. В русских и татарских фразеологизмах *зависть* представлена в черном цвете (рус. *черная зависть*; тат. *көнчелектән кара яну*, в русском – еще и в желтом цвете (*пожелтеть от зависти*), а в английском – в зеленом цвете: *green with envy*.

В основе лингвокультурем, репрезентирующих *кротость*, во всех трех исследуемых языках лежат образы овцы и теленка: рус. *смирнее теленка*; *кроткий как овечка*; англ. *as meek as a lamb*; тат. *бозадан да юаширак* (букв. смирнее теленка).

В русском и английском языках общим является и образ голубя; рус. *кроткий как голубка*; англ. *gentle as a dove* – кроткий как голубь.

Среди русских, английских и татарских фразеологизмов, номинирующих такое свойство личности, как *кротость* лишь один совпадает по образности: рус. *и мухи не обидит*; англ. *one wouldn't hurt a fly*; тат. *чебен үтермәс*. В целом же языки своеобразно отражают в фразеологизмах робость и застенчивость. Так, в основу фразеологизма *царевна Несмеяна* лег фольклорный образ героини русской народной сказки. А в английском фразеологизме *can't say bo/boh/boo to a goose* (букв. не может сказать гусю «Кыш!») отражено наблюдение за робким человеком, который даже не может отогнать гусей.

В татарском языке пословица *Оялчан хатын – шәһәр бәясе, оялчан ир – тәкә бәясе* отражает гендерную оценку робости (букв. Робкая, стеснительная женщина – это цена города, а робкий, стеснительный мужчина – цена козла, барана).

В основе лингвокультурем, репрезентирующих *бесстыдство*, лежат лексемы: *свинья/ hog/дуңгыз*: рус. *посади свинью за стол, она и ноги на стол*; англ. *independent as a hog on ice*; тат. *битенә дуңгыз тиресе каплаган*, а также лексемы *стыд/бесстыжий/bold/shame/оят*: рус. *ни стыда, ни совести*; англ. *be past shame* – потерять всякий стыд; тат. *кузләрендә оят юк* (букв. нет стыда в глазах).

Корыстолюбие человека раскрывается в фразеологизмах трех анализируемых языков одинаковыми образами, что является результатом калькирования, например: рус. *ловить рыбу в мутной воде* – калька англ. *fish in troubled waters*, который является калькой фр. *pecher en eau trouble*; а татарский фразеологизм *болганчык суда балык тоту* – калька вышеприведенного русского фразеологизма.

В русских фразеологизмах о *скупости* нашли отражение персонажи сказок и литературных произведений: рус. *скуп как Кощей*; *скупой рыцарь*. В этих фразеологизмах изображается скупой человек, дошедший в своих действиях до абсурда: рус. *из-за гроша удавиться*; англ. *fly/skin a flint*; тат. *бер тиен өчен чукуна* – ради копейки начать креститься будучи мусульманином.

В русском, английском и татарском языках отмечены фразеологизмы с антропонимами-именами собственными, ставшими символами *любопытства*: рус. *любопытной Варваре (на базаре) нос оторвали*. В английском языке наиболее интересным представляется фразеологизм *a Peeping Tom (of Coventry)*, где компонент *peering* – 'подглядывающий' указывает на любопытство Тома (по английской легенде известного портного). В татарском фразеологизме представлен образ Муршиды: *һәр эшкә борын тогучы Мөршидә*, известной любопытной женщины.

Основным компонентом в русских фразеологизмах, раскрывающих такое качество личности, как *легкомыслие*, является лексема *ветер*: *ветер в голове гуляет*; в английском языке – *light* – 'легкий': *to take light of* – относиться несерьезно, небрежно. В татарских фразеологизмах два образных компонента составляют основу лингвокультурем: *жыл* ('ветер'): *башында жыл уйный* (букв. в голове играет ветер); и *жиңел* ('легкий'): *жиңел акыллылык* – 'легкомыслие'.

Проницательность передается фразеологизмами, в составе которых есть компоненты с семантикой проницательности: *видеть/look/see/күрү* – рус. *видеть насквозь*; англ. *see with half an eye*; тат. *үтәли күрү*; *глаз/eye* – рус. *острый глаз*; англ. *a quick eye*; *уметь/знать/know/сизү* – рус. *уметь отличить кукушку от ястреба*; англ. *know a hawk from a handsaw* (букв. отличать ястреба от ножовки).

Фразеологизмы трех анализируемых языков о *болтливости* содержат компонент *болтливость* – склонность к чрезмерной говорливости, пустословию, которая отражена в русских, английских и татарских фразеологизмах, а наиболее частотным является компонент *язык/tongue/тел*: рус. *развязывать язык*; англ. *one's tongue runs nineteen to the dozen* (букв. язык бежит девятнадцать раз вместо дюжины); тат. *тел бистәсе* (букв. языковая слободка).

Хвастливость нашла отражение, в основном, в английских и татарских фразеологизмах. Английские фразеологизмы многообразны по своей образной основе, которая представлена лексемами *trumpet* (труба), *horn* (горн), *face* (лицо), *mouth* (рот), *fly* (муха), *coach* (почтовая карета), *wheel* (колесо): *sound one's own trumpet*; *a fly on the coach/wheel* (букв. муха на почтовой карете/колесе) – этот фразеологизм имеет своим источником басню Лафонтена «Дилижанс и муха». В татарском языке семантика 'хвастовства' представлена в большей части пословицами и поговорками, осуждающими хвастуна, поскольку хвалиться достойно только родителями: *юләр байлык белән мактаныр, надан хатыны белән мактаныр, акыллы ата-аналары белән мактаныр* – дурак будет хвалиться богатством, глупый – женой, а умный – родителями.

Как известно, свойства личности проявляются в отношении человека к труду. Основываясь на материалах антропоцентрической фразеологии, можно выделить в фразеосемантической группе фразеологизмов, выражающих отношение человека к труду, три фразеосемантические подгруппы: 1) Трудолюбие; 2) Лень. Безделье. Праздность; 3) Медлительность.

Кроме привычных для трех анализируемых языков компонентов-зоонимов *пчела/bee/бал корты*, в русском и татарском языках символом трудолюбия является еще и муравей (рус. *трудолюбивый как муравей*; тат. *кырмакадай тырыш*, а в английском языке – *бобр* (*an eager beaver* – энергичный как бобр).

Интересный, на наш взгляд, образ создан в татарском фразеологизме *эшкә батыр, төскә матур* (букв. смел в работе, красив и внешне), где указывается, что человеку смелому и умелому в труде всегда присуща внешняя красота.

Внутренняя форма многих фразеологизмов о *лени, безделье* настолько прозрачна, что абсурдность «дел» бездельника не вызывает сомнения: рус. *пускать мыльные пузыри*; тат. *комнан аркан ишү* – из песка плести аркан. Английские фразеологизмы также высмеивают «занятия» бездельника: *lie down on the job* (букв. лежать на работе).

Такое качество, как *медлительность*, в русском языковом сознании не одобряется; медлительных людей иронически называют *тяжелой артиллерией*; они любят *тянуть канитель* (этим. *канитель* – тонкая витая золотая или серебряная проволока для вышивания); *тянуть kota за хвост* и т.д. По мнению русских, медлительность хороша лишь в случае, когда кого-то нужно послать за смертью: *его (только) за смертью посылать*. У медлительного англичанина, видимо, «тяжесть в руке»: *heavy in/on hand*. Судя по английским фразеологизмам, в английском языковом сознании нет осуждения или иронии по отношению к такой черте характера, как медлительность. Напротив, делать медленно – лучше: *slow and sure; slowly but surely*. В татарском языке во фразеологизме о медлительном человеке используется образ черепахи или улитки: *таибака кебек; эжәм-төкәм килә, кайчан килеп җитә* (букв. улитка идет, когда только дойдет).

В подгруппу антропоцентрических фразеологизмов, выражающих отношение человека к *разным обстоятельствам*, включены две фразеосемантические подгруппы: 1) Смелость; 2) Трусость.

В русских фразеологизмах о *смелости* одним из компонентов является соматизм *голова*, который на основе метонимического переноса выступает во фразеологизмах в значении 'человек': *бедовая голова* – 'отчаянный, смелый, рискованный человек'. Английские фразеологизмы о смелости человека частично построены на сравнении, выраженном как эксплицитно (*as*) *game as a cockerel* (смелый, как бойцовый петух), так и имплицитно *a heart of oak* (букв. сердце (из) дуба). В татарском языковом сознании зафиксировано представление о мужчине как о смелом человеке: *ир йөрәк* (букв. мужское сердце) – храбрый, смелый мужчина. О смелом, сильном молодом человеке в татарских поговорках говорится: *басса – бакыр изәрдәй, тинсә – тимер өзәрдәй* (букв. наступит – словно раздавит медь, пнет – словно разнесет на куски железо).

Символом *трусости* у многих народов издавна считался заяц, он широко известен в фольклоре и закрепился в русской, английской и татарской фразеологии. В английском языке фразеологизмы о трусости амбивалентны и раскрывают совместность трусости и малодушия: *show the white feather*

(букв. показать белое перо) – струсить, смалодушничать. Этимология этого фразеологизма связана с обычаем присылать людям, уклоняющимся от военной службы, белое перо, что является обвинением в трусости (белое перо в хвосте бойцового петуха считалось признаком плохой породы). В татарском языке фразеологизмы о трусости акцентируют внимание на состоянии труса: *йөрәк леп-леп тибә* – сердце учащенно бьется от страха.

Четвертый раздел первой главы посвящен культурным кодам универсальных и уникальных образов русских, английских и татарских фразеологизмов.

Анализ образов антропоцентрических фразеологизмов сопоставляемых языков показал, что образы являются отражением способа мировидения и могут быть определены в рамках культурных кодов. Считая фразеологизмы самостоятельными духовными ценностями, можно выделить в исследуемых антропоцентрических фразеологизмах образы следующих культурных кодов:

1) антропоморфный культурный код, репрезентирующий образ человека и частей его тела; 2) биоморфный культурный код, репрезентирующий образы животных, птиц, насекомых, растений; 3) объектный культурный код, репрезентирующий образы предметов обихода, построек, жилища, его деталей; одежды; пищи; веществ, металлов, минералов и т.д.; 4) анимический культурный код, репрезентирующий образы явлений природы; 5) мифологический культурный код, репрезентирующий образы религиозных представлений человека, сказочных персонажей и т.п.; 6) темпоральный культурный код, репрезентирующий образы через обозначение времени; 7) пространственный (географический) культурный код; 8) колоративный культурный код, репрезентирующий образы, связанные с символикой цвета; 9) квантитативный культурный код, репрезентирующий образы через единицы измерения или образы количества; 10) терминологический культурный код, репрезентирующий образы военными, морскими, математическими и др. терминами.

Культурные коды образов русских, английских и татарских антропоцентрических фразеологизмов универсальны, однако их реализация всегда обусловлена национальной культурой.

Уникальными можно считать только те образы антропоцентрических фразеологизмов, которые встречаются во фразеологизмах лишь одного из языков трехязычного фразеологического поля.

Универсальность и уникальность образов русских, английских и татарских фразеологизмов наблюдается в рамках следующих корреляций универсалий и уникалий:

- 1) универсальные культурные коды – универсальные образы фразеологизмов;
- 2) универсальные культурные коды – уникальные образы фразеологизмов.

Эта корреляция получила конкретное наполнение, которое можно представить в виде таблиц 1 и 2.

Как следует из данных таблиц, образы антропоцентрических фразеологизмов представляют целую парадигму, определяемую Н.В.Павловичем как «инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления. Эти смыслы: то, что отождествляется или сравнивается – левый член парадигмы, и то, с чем происходит сравнение – правый член парадигмы» [Павлович 2004: 14]. Универсальные образы составляют универсальную парадигму образов (рус., англ., тат., *лиса* – хитрость), уникальные образы составляют уникальную парадигму образов (рус. бирюлька – безделье; англ. *nail* (гвоздь) – жестокость; тат. *буран* – гнев). Однако, как писал Н.В.Павлович, «есть нечто в образах – еще более удивительное, чем их уникальность. Это – факт, что они создаются и функционируют в языке по определенным законам» [Павлович 2004: 14].

Таким образом, исследование внутренней формы антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков раскрывает специфику восприятия и понимания разными народами одних и тех же явлений.

Образы явлений природы во фразеологизмах анимического культурного кода, имеющиеся только в одном из сопоставляемых языков

Язык	Образы	Фразеологизмы	Фразеотемы
рус.	погода	<i>ждать у моря погоды</i>	волевая пассивность
англ.	ice (лед)	<i>independent as a hog on ice</i>	нахальство

	breeze (морской ветер)	<i>get/have the breeze up</i>	страх, трусость
	moon (луна)	<i>boast above (beyond) the moon</i>	хвастовство
тат.	буран яшен (молния)	<i>буран уйнату</i> <i>яшен суккан кебек булу</i>	гнев удивление, изумление

Образы мифологических, религиозных, сверхъестественных представлений человека, сказочных персонажей мифологического культурного кода, имеющиеся только в одном из сопоставляемых языков

Язык	Образы	Фразеологизмы	Фразеотемы
рус.	бес Гог и Магог Кощей Перун Несмеяна Иванушка	<i>мелким бесом рассыпаться</i> <i>Гог и Магог</i> <i>скуп как Кощей</i> <i>перуны метать</i> <i>царевна Несмеяна</i> <i>Иванушка-дурачок</i>	льстивость жестокость скупость гнев скромность глупость
англ.	Daniel devil (дьявол) demon (демон) Punch (Панч) Lucifer	<i>Daniel come to judgment</i> <i>love smb./smth. as the devil loves holy water</i> <i>be a demon for work</i> <i>(as) pleased as Punch</i> <i>as proud as Lucifer</i>	ненависть энергичность, трудолюбие радость гордость высокомерие
тат.	<i>Яәжүж</i> Мәжүж тораташ (идол)	<i>Яәжүж вә Мәәжүж</i> <i>тораташ кебек катып калу</i>	жестокость удивление

Семь фразеотематических групп, двадцать восемь фразеосемантических групп и сорок фразеосемантических подгрупп антропоцентрических фразеологизмов представляют классификационную иерархию, охватывающую значительный трехязычный фразеологический массив. Анализ его с точки зрения внутренней формы фразеологизмов (образности + лингвокультурем) раскрыл универсальные и уникальные образы в трехязычном фразеологическом поле.

Универсальные и уникальные образы антропоцентрических фразеологизмов представляют парадигмы. Универсальные образы составляют универсальную парадигму образов, уникальные образы – уникальную парадигму образов.

Глава II. «Аксиологизм антропоцентрических фразеологизмов русского, английского и татарского языков» посвящена описанию аксиологического аспекта исследований во фразеологии как продолжению и дополнению антропоцентрического и состоит из четырех разделов. Антропоцентрический подход в лингвистических исследованиях предполагает, на наш взгляд, не только определение того, как человек репрезентирован в языке, но и то, что человек считает для себя или своего общества ценным.

Раздел 1. **«Аксиология и аксиологическая лингвистика. К истории вопроса»** представляет историю изучения проблемы ценностей/антиценностей в философии и фразеологии.

Проблема ценностей – вечная проблема, ставшая вновь современной и актуальной, связана с вопросами о полезном и вредном, добре и зле, справедливом и несправедливом, должном и недопустимом, прекрасном и безобразном, об идеале и благе. В специальный философский лексикон понятие ценности вводится лишь в 60-х годах XIX столетия: немецкий философ, врач и естествоиспытатель Герман Лотце (1807–1881) ввел понятие «ценности» в этику. В первом десятилетии XX века наука о ценностях выделяется в самостоятельное учение – аксиологию. Авторами этого термина считаются французский философ П.Лапи (1902) и немецкий философ-иррационалист Эдуард фон Гартман (1904).

Глубокий обобщающий анализ изучения системы ценностей в зарубежной и отечественной философии дан в ряде работ отечественных философов [О.Г.Дробницкий; Г.К.Гизатова; М.С.Каган и др.]. Отправной точкой в понимании проблемы ценностей создатели аксиологии справедливо считали философско-этические взгляды И.Канта, который дал людям своего времени заряд оптимистически-этического мировоззрения [Швейцер 1973]. Свой вклад в исследование аксиологии внес оригинальный мыслитель конца прошлого века Н.Ф.Федоров (1828–1903), создав этику «Общего дела», ставшую известной особенно в последние годы. Добро как форму всеединства в этике разработал В.Соловьев (1853–1900). Необходимо отметить, что в русской философии в первые десятилетия XX в. единственным сочинением, специально посвященным теории ценности, была работа русского философа Н.Лосского (1870–1965) «Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей». В советское время проблемами ценностей в культуре и жизни занимались В.П.Тугаринов, В.О.Василенко, О.Г.Дробницкий, И.С.Кон и др. Этими философами разработано несколько видов классификаций ценностей: «предметные» и «субъектные»; материальные и духовные и т.д.

Как известно, мир знает такие общечеловеческие нравственные ценности, как справедливость, добро, милосердие и т.д., в основе которых лежит человеческий опыт, свойственный всем социальным коллективам. Среди общезначимых ценностей можно выделить два класса ценностей: кардинальные, означающие первичные условия выполнения каких-либо ценностей (человеческая жизнь, здоровье, достоинство, свобода), и субкардинальные, означающие условия, необходимые для выполнения этих первичных условий [Розов 2004: 70].

Из современных отечественных исследователей по лингвистической аксиологии можно указать работы Л.К.Байрамовой [Байрамова 1999: 79–82], Г.Г.Слышкина [Слышкин 2001:87–90], В.И.Карасика [Карасик 2004: 28–32] и др. Оригинальный проект «Славянского аксиологического словаря» [М., 2000–2001] предлагают Е.Березович, Н.Зубов, А.Юдин и др., которые видят необходимость в создании сопоставительного лингвистического словаря базовых ценностей славянских национальных традиций с учетом «истории», «географии» и «социологии» аксиологических систем на базе определенного представительного корпуса текстов. Однако необходимо отметить, что антропоцентрические фразеологизмы в аксиологическом аспекте не были пока ещё объектом специального исследования.

В разделе **2. «Философия и фразеология о счастье как ценности»** рассмотрены основные подходы к изучению концепта «счастье» в философии и фразеологии.

Как известно, к созданию всестороннего, философски обоснованного понятия счастья стремились многие ученые во все времена. Первые известные трактаты о счастье уходят корнями в древность. Однако в науке отсутствует однозначная дефиниция этого понятия в силу сложности представления о нём.

Существует большое количество философской литературы по проблеме счастья. Однако литературы другого плана и прежде всего лингвистической, в которой анализируется отражение в языке представления о счастье и рассматривается оценка счастья как высшей ценности, очень мало. Среди этих работ интерес представляют монография С.Г.Воркачева «Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа» [Краснодар, 2002], а также отдельные статьи на материале хорватского, русского, английского и татарского языков [Байрамова 2001: 471–473; Воркачев 2002: 36–40].

Высшая ценность для человека – *счастье* – нашла свое отражение в фразеологии русского, английского и татарского языков. В лингвистическом материале, который отражает существующие в

обществе и философски осмысленные воззрения, представлены следующие положения о счастье и счастливом человеке:

1. Счастье человека не зависит от него: оно дается ему судьбой или обусловлено благоприятным стечением обстоятельств. Взгляд на счастье как на не зависящее от человека явление выражен, например, в таких пословицах и поговорках: рус. *Счастье – вольная птичка: где хотела, там и села*; англ. *The lines have fallen to me in pleasant places* – счастливый удел выпал мне на долю; тат. *Бәхет чакырсаң да килми – бәхетсезлек кусаң да китми*.

В русской, английской и татарской фразеологии нашло отражение представление людей о том, что счастье человеку дается свыше. У русских, англичан и татар это связывается с наблюдением за младенцем, родившимся в рубашке – *родиться в рубашке/сорочке*; англ. *be born with a caul/on one's head*; тат. *бәхет йөзлеге белән туу*. Однако фразеология отражает и национальное своеобразие отношения к счастью. Так, по представлениям англичан, родиться счастливым – это родиться в богатой семье: *be born with a silver spoon in one's mouth* (букв. родиться с серебряной ложкой во рту). У татар существует поверие: человек будет счастливым, если он родился ранним, чистым свежим утром, когда только-только начинают просыпаться природа и домашние животные: *ишәк төчкергәндә туу* (букв. родиться, когда чихнул ишак).

Мифы и легенды также нашли отражение в мечтах о счастье человека. Например, татары о счастливом человеке говорят, что он родился с кольцом счастья: *бәхет йөзеге белән туган*. Этот фразеологизм этимологически восходит к мифу о пророке Сулеймане, ставшем сказочно богатым благодаря волшебному кольцу, которое обладало силой подчинять духов, птиц, ветры и воды [Мәхмутов 1999: 135].

Приведенные выше фразеологизмы в русском, английском и татарском языках раскрывают понимание человеком счастья в объективном значении – как удачное стечение обстоятельств, как благоприятные условия жизни, счастливый случай.

2. Субъективное понимание счастья раскрывается фразеологизмами, выражающими приятные переживания, интенсивную радость, ликование, блаженство, упоение.

В английском языке ощущение и переживание счастья передаются фразеологизмами, в которых присутствует компонент, указывающий на высоту: *a cloud* (облако): *be / sit on a cloud*; *the heaven* (небо): *the moon* (луна) и т.д. Кроме того, в фразеологизмах английского языка использованы оригинальные сравнения человека, ощущающего себя счастливым, с жаворонком: *(as) happy as a lark*; с опоссумом на эвкалиптовом дереве: *(as) happy as a possum up a gum-tree*; с моллюском: *(as) happy as a clam*.

В татарской фразеологии для передачи чрезвычайной радости используются оригинальные образы – образ смеющегося солнца счастья: *бәхет кояшы көлү*; и образ земли и неба: *җир-күге белән шатлану* и т.д.

Таким образом, вышеприведенные русские, английские и татарские фразеологизмы по-разному представляют субъективное счастье.

3. Однако большинство людей объединяет субъективное понимание счастья с объективным, связывая понятие счастья с удачей и везением.

Почти все древние философы: Аристотель, Бозций, Геродот и др. понимали счастье как *высшее благо*, доступное человеку, но вкладывали в это понятие разный смысл: это и моральное благо, и цель жизни, и равномерное сочетание всех благ и т.д., то есть эвдемония понималась как обладание наивысшим благом, которое очень разнообразно.

Разное понимание наивысшего блага представлено в фразеологизмах сопоставляемых языков. Для русского человека – это счастливая жизнь: *Аркадская идиллия*; место, где царит счастье: *обетованная земля*; здоровье: *Дал бы бог здоровья, а счастье найдем*; ум: *Счастье без ума ничем* и т.д.

У татарского народа – это осуществление мечты: *моратына ирешү*; дети: *Балалар – безнең бәхетебез вә сәгадәтебез* (Г.Тукай); счастье страны: *Яхшы адәм – илнең ырысы, яхшы сүз – җанның тынычы* (Хороший человек – счастье страны, хорошее слово – душевное спокойствие) и т.д.

Философы разных времен утверждали, что счастлив тот человек, который не только обладает высшими благами, но и ценит добро и имеет, таким образом, «положительный баланс жизни». Этот баланс жизни счастливого человека создается и особым мудрым поведением человека, обладающего такими положительными чертами характера как: великодушие, совесть, терпение и др. В

татарском языке представлена большая группа фразеологизмов, раскрывающих положительные черты характера человека, благодаря которым человек может стать счастливым. Это великодушные: *бәхет киң күңелле кешене ярата, ди*; нравственность: *бәхет башы – тәүфикъ*; совестливость: *бәхетне вәжданыңнан сора*; старательность: *ырыс тырыш кулында* и т.д. Комплексное представление о счастье отражено в татарской пословице *Бәхетле булып өчен өч нәрсә кирәк: тән саулыгы, фикер саулыгы, күңел саулыгы* (Чтобы быть счастливым, нужны три вещи: здоровое тело, здравые мысли, здоровый дух).

Представление англичанина о счастливой жизни, безмятежном существовании связывается с образом пуховой постели: *a bed of down* или с ложем из роз: *a bed of roses* [выражение восходит к обычаю богачей в древнем Риме устилать свое ложе лепестками роз].

Из черт характера, которые сопутствуют счастью, англичане отмечают смелость: *fortune favours the bold/the brave* – счастье сопутствует смелым.

Своеобразно представлены в разных фразеологиях пожелания счастья: рус. *в добрый (счастливый) путь!* англ. *for luck* – на счастье; тат. *ак юл теләү*. Татарский колоратив *ак* (белый) использован не случайно, ибо самое большое счастье в татарском языке именуется *ак бәхет* (букв. белое счастье).

4. Представление о счастье как «удовлетворении жизнью в целом» также имеет место и в философских воззрениях на счастье, и в осмыслении счастья великими людьми. Их высказывания стали афоризмами. Достаточно вспомнить Б.Шоу: «На свете нет и не может быть ничего более страшного, чем вечное счастье».

Английский язык представляет целую группу фразеологизмов с обозначением ‘счастливого времени, счастливой поры в жизни’, которое конкретизируется в каждом отдельном случае с помощью временных лексем: *day out* – лучший день (в жизни); *a high spot* – счастливая минута, примечательное событие; *a red-letter day* (букв. день, отмеченный красными буквами) и т.д.

Жизнь показывает, что каждый человек может быть счастлив, ибо: *Всяк своего счастья кузнец, Every man is an architect of his own fortunes* и т.д. Счастье хотя бы раз в жизни придет ко всякому, хотя бы раз постучится к нему в дверь: *fortune knocks once at least at every man's door/gate*. Даже если это счастье маленькое, не стоит пренебрегать им, ибо, как говорят татары, *баләкәй бәхетне ташласаң, зурысын көтмә* – если будешь пренебрегать маленьким счастьем, не жди и большого счастья.

Такова философская и лингвистическая корреляция трактовки ценности «счастье». Что касается антиценности – «несчастья», то оно связано с такими антиценностями, как «смерть», «болезнь», «бедность», «плач» и др., которые, в свою очередь, коррелируют с ценностями «жизнь», «здоровье», «богатство», «смех» и др., образуя своеобразные аксиологические диады: «Жизнь – Смерть»; «Здоровье – Болезнь»; «Богатство – Бедность», «Смех – Плач».

В разделе **3. «Аксиологические диады во фразеологии русского, английско-го и татарского языков»** дается анализ аксиологической фразеологической диады, представляющей собой единство двух блоков: один из них включает фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными ценностями, а другой – фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными антиценностями. Понятие аксиологической фразеологической диады является универсальным для разных языков. Фразеологические диады включают русские, английские и татарские фразеологизмы. Их содержание, связанное с ценностями/антиценностями, можно рассматривать на различных уровнях и прежде всего на физиологическом, материальном, эмоциональном и др.

I. Физиологический уровень ценностей может быть представлен двумя видами аксиологических диад: «Жизнь – Смерть»; «Здоровье – Болезнь».

II. Материальный уровень ценностей может быть представлен аксиологической диадой «Богатство – Бедность».

III. Эмоциональный уровень ценностей может быть представлен аксиологической диадой «Смех – Плач».

Ценности и антиценности присуще свойство амбивалентности, которое, как пишет А.В.Петровский, «коренится в неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей» [Петровский 1970: 507]. Это находит отражение и во

фразеологии, ср.: *Не было бы счастья, да несчастье помогло. Бедность не порок. Из дурака и смех плачем прет.*

В каждой из вышеназванных диад можно выделить основные компоненты. Например, в диаде «Жизнь – Смерть» – компонент «Жизнь» и компонент «Смерть».

Исследованию концепта «Жизнь» было посвящено немало работ, особенно в последние пять лет [Л.О.Чернейко, Хо Сан Тэ 2001; Э.В.Грабарова 2002; Н.А.Новикова 2003; Л.К.Байрамова 2003 и др.].

Ценность, выраженная компонентом «Жизнь», отражена в русских, английских и татарских фразеологизмах, входящих в разные фразеосемантические группы. Содержание этих фразеологизмов раскрывает: рождение человека; периоды в жизни человека; образ жизни; светлые и мрачные стороны жизни и др. Некоторые фразеологизмы являются эквивалентными; другие отражают специфику истории, культуры разных народов и являются лакунарными.

Так, в фразеосемантической группе «Рождение человека» эквивалентными являются русские, английские и татарские фразеологизмы со значениями:

- ‘родить’: рус. *давать жизнь*; англ. *bring into the world*; тат. *тереклек биру*;
- ‘родиться’: рус. *появляться на свет*; англ. *come into the world*; тат. *дөнъяга килу*;
- ‘родиться в бедной семье’ (есть фразеологизмы только в русском и английском языках): рус. *выйти из низов*; англ. *be born on the wrong side of the tracks*.
- ‘родиться в богатой семье’ (есть фразеологизмы только в английском и татарском языках): англ. *be born in/to purple*; тат. *хан кызы булу* и т.д.

В целом, сравнение русских, английских и татарских фразеологизмов этой группы показало, что английские фразеологизмы больше связаны с обычаями, историей, этимологически богаче.

Интерес представляют русские, английские и татарские фразеологизмы фразеосемантической группы «Образ жизни». Здесь можно обнаружить большие расхождения, хотя образ жизни русского человека, американца, англичанина и татарина в определенной степени совпадает. Среди русских, английских и татарских фразеологизмов группы «Образ жизни» эквивалентны фразеологизмы со значениями:

- ‘вести безнравственный, распутный образ жизни’: рус. *прожигать жизнь*; англ. *be/go/live on the loose*; тат. *тинтереп гомер иту*; *бозыклыкка бирелу*;
- ‘вести бесполезное существование’: рус. *даром хлеб есть*; англ. *cumber the ground*; тат. *уни черету* (букв. гноить хлеб);
- ‘жить за чужой счет’: рус. *есть чужой хлеб*; англ. *eat smb's bread*; тат. *кеше жилкәсендә яшәу*;
- ‘отставать от жизни’: *обрастать (зарастать) мхом*; англ. *stick in the mud*; тат. *мук белән каплану* и т.д.

Фразеологизмы русского и татарского языков, в отличие от английских, раскрывают и другие стороны жизни человека: беззаботную жизнь (рус. *жить как птица небесная*; тат. *Алла бәндәсе булып яшәу*), спокойную жизнь без хлопот и под надежной защитой кого-либо (рус. *как за каменной стеной*; тат. *мәшәкәт күрмичә яшәу*), беспечную радость от жизни (рус. *срывать цветы удовольствия*; тат. *тормышның артына тибеп яшәу*) и т.д.

Принцип и образ жизни трусливого и нерешительного человека выражаются уникальным русским фразеологизмом *как бы чего не вышло*, этимологически восходящим к рассказу А.П.Чехова «Человек в футляре».

Ряд английских фразеологизмов, указывающих на определенный образ жизни англичан и американцев, не имеет аналогов ни в русском, ни в татарском языках. Это прежде всего американский устаревший фразеологизм *draw a straight furrow* (букв. тащить по прямой борозде); или *go Fantee/fantee* – поселиться с туземцами и перенять их обычаи и образ жизни [*fantee* – африканское негритянское племя]; а также разговорный фразеологизм *it is no honeymoon* – малоприятное времяпрепровождение; нелегкая, полная трудностей, беспокойная жизнь.

Приведенные примеры русских, английских и татарских фразеологизмов показывают, что «культуры и отдельные индивидуумы могут быть охарактеризованы по системе ценностных приоритетов, что язык и коммуникативная деятельность выступают важной формой репрезентации ценностей и открывают доступ к ценностно-нормативной системе социума» [Бабаева 2004: 8].

Второй компонент приведенной выше аксиологической фразеологической диады – «Смерть» – представлен в десяти эквивалентных фразеосемантических группах, фразеологизмы которых (безусловно, не все) также эквивалентны:

«Умирать»: рус. *отправиться к праотцам*; англ. *be gathered to one's fathers*; тат. *эвахлар янына китү* и др.;

«Самоубийство»: рус. *покончить счеты с жизнью*; англ. *be called (gone) to one's account*; тат. *тормыш белән араны өзү* и др.

Среди фразеологизмов с темой смерти немало и лакунарных фразеологизмов, отражающих представление у русского, английского и татарского народов о смерти, а также несущих информацию об их истории, культуре, менталитете. Так, лакунарными по отношению к английскому языку являются русские и татарские фразеологизмы со значением внезапной, скоропостижной смерти: рус. *карачун пришел* (кому); тат. *Газраил килде*, а также фразеологизмы со значением 'погибнуть напрасно, зря': рус. *ни за грош/копейку*; тат. *юк өчен генә (һаләк булу)*.

Английские фразеологизмы со значением 'быть казненным на электрическом стуле': *get his/go to the chair*, со значением 'умереть старой девой': *lead apes in hell* и 'умереть, будучи сброшенным в море': *walk the plank* лакунарны по отношению к фразеологизмам русского и татарского языков.

Обращение к опыту философского осмысления смерти при анализе фразеологизмов помогает раскрыть отношение человека к смерти.

С точки зрения аксиологии, исследующей ценность/антиценность явлений, смерть трактовалась мыслителями разных эпох и направлений неоднозначно. Многие ученые-гуманисты и естествоиспытатели, натурализуя событие смерти, отводили ему только негативную роль, считая смерть победой хаоса и неразумной природы над мировым порядком и разумностью (Н.Пирогов, Н.Федоров, Н.Рерих, К.Циолковский и др.). Они не признавали за смертью функции порождения жизненных смыслов: смерть есть отрицание, негация всякого смысла, апофеоз бессмысленности вообще.

Экзистенциалисты, наоборот, поставили тему смерти в центр всех размышлений о человеческом существовании, «возвысили» смерть, связав ее со смыслом жизни. Осознание человеком неизбежности собственной смертности они посчитали критерием подлинного бытия. М.Хайдеггер пришел к убеждению, что человек сущностно определяет себя на пути к смерти; «бытие–к–смерти» открывает человеку смысл его существования [Хайдеггер 1993: 22]. Позитивный смысл смерти признавали и такие мыслители, как Б.Паскаль, М.Элиаде, Ж.Бодрийяр и др.

Не натурализируя событие смерти, философы видели в ней сакральный смысл, склонялись к признанию ее позитивности (А.Сурожский, А.Кураев и др.). Так, Владыка Антоний Сурожский писал: «Все в жизни – каждое слово, каждое движение, все самое малое – должно быть совершенно, чтобы, если смерть застанет в этот миг, можно было сказать: это последнее действие было самым прекрасным, что сумел сделать этот человек...» [Сурожский 1996: 99].

Таким образом, позитивность смерти состоит в ее предназначении поднимать нравственную «планку жизни» до высоты, предельно достижимой для человека, заставляет человека жить прекрасно и совершенно.

Фразеологизмы на тему о смерти как раз и отражают позитивные и негативные аспекты образа смерти.

Позитивно представлен образ смерти в русских, английских и татарских фразеологизмах благодаря определенному компонентному составу, который включает:

а) религиозную лексику – рус. *бог, господь, душа (бог/господь прибрал)*; англ. *angel (join the angels)*; тат. *Аллаһ, Аллах тәгалә (Аллаһ тәгалә үзенә алды)*;

б) лексику возвышенной семантики – рус. *вечность, вечный (отойти в вечность)*; англ. *fame (a niche in the temple of fame)*; тат. *мәңгелек (мәңгелеккә китү)*.

Устрашающий образ смерти нейтрализуется в русских и английских фразеологизмах эвфемистической формой выражения (рус. *уснуть вечным сном*; англ. *close one's eyes* – скончаться; тат. *жәһаннәмгә китү*).

Небольшая группа фразеологизмов, позитивно освещающая смерть, посвящена смерти на войне, в боях за Родину: рус. *пасть смертью храбрых*; англ. *catch/got/stop a packet*; тат. *батырлар үлеме белән үлү* (букв. умереть смертью храбрых) и т.д.

Среди фразеологических единиц, связанных с темой смерти, особую группу представляют те, которые раскрывают суицид – интеллектуальное самоубийство. Этим фразеологизмам в русском, английском и татарском языках немного: рус. *выходить в тираж; пустить (себе) пулю в лоб*; англ. *be called to one's account*; тат. *тормыш белән исәп-хисапны өзү*. С точки зрения аксиологии, самоубийство является антиценностью. Но в некоторых случаях люди считают его ценностным. Вот почему в произведениях художественной литературы можно найти очень убедительные и яркие примеры позитивной оценки самоубийства. Один из таких героев – Мартин Иден в романе Д.Лондона «Мартин Иден». В русской литературе образ такой сильной натуры, решившейся на самоубийство, представлен героиней драмы А.Н.Островского «Гроза» Катериной.

Во второй аксиологической фразеологической диаде «Здоровье – Болезнь» выделяются два компонента: «Здоровье» и «Болезнь».

В русском, английском и татарском языках компонент «Здоровье» формируется фразеологизмами шести одинаковых фразеосемантических групп:

«Здоровый. Бодрый. Жизнерадостный»: рус. *в добром здравии*; англ. *alive and kicking*; тат. *көр куңелле*;

«Здоровый. Выносливый. В прекрасной форме»: рус. *здоров как бык*; англ. *a good life*; тат. *яхшы формада*;

«Выздоровливать после болезни»: рус. *воскрешение/воскресение святого Лазаря*; англ. *be (get) on one's feet*; тат. *авырудан савыгу*;

«Средства для здоровья»: рус. *баня – мать вторая: кости распаришь, все тело поправишь*; англ. *an apple a day keeps the doctor away*; тат. *тәңгә мунча – җанга шифа* (букв. телу – баня, душе – здоровье);

«Внешний вид здорового человека»: рус. *кровь с молоком*; англ. *have roses in one's cheeks*; тат. *чиртсәң каны чыгар*.

Несмотря на сходство в фразеосемантических группах русского, английского и татарского языков, в подобных фразеологизмах есть некоторые отличия: в русских фразеологизмах заостряется внимание на психическом здоровье человека – *в здравом уме; в полном рассудке*; из народных средств, приносящих здоровье, указываются лук, хрен, редька и, конечно же, баня.

В английских фразеологизмах – другие образы, олицетворяющие здоровье (блоха, сверчок); другие средства, приносящие здоровье (яблоко), а лакунарными фразеологизмами, указывающими на неподверженность человека морской болезни, являются: *a good sailor; have good sea legs*.

Второй компонент указанной аксиологической фразеологической диады «Болезнь» представлен семью фразеосемантическими группами, одинаковыми для русского, английского и татарского языков:

«Плохо чувствовать себя, болеть»: рус. *лежать в лежку*; англ. *feel cheap*; тат. *урын өстендә яту*;

«Внешний вид больного человека»: рус. *бледен как смерть*; англ. *a bag of bones*; тат. *сөяккә генә калган*.

«Заболевания»:

– уныние, хандра: рус. *впасть в хандру*; англ. *the black dog is on one's back*; тат. *эч пошу*;

– сумасшествие; потеря сознания: рус. *белены объелся*; англ. *be/go/pass out like a light*; тат. *тилебәрән орлыгы ашаган* и т.д.

Помимо сходных для английского и русского языков фразеосемантических групп, необходимо отметить и отличные для каждого из языков фразеосемантические группы. В частности, в русском и татарском языках имеются фразеосемантические группы с обозначением таких болезней, как паралич: рус. *удар хватил кого-либо*; тат. *паралич сукты (кемнедер)*; а в английском – простуда, грипп; *catch a cold/catch/take a cold*; туберкулез: *the white scourge*; морская болезнь: *feed the fishes*. Особую группу в английском языке составляют лакунарные фразеологизмы со значением так называемых ‘мнимых болезней’: *diplomatic cold* – ‘дипломатическая болезнь’, ссылка на нездоровье (как предлог, чтобы уклониться от чего-либо).

Аксиологический взгляд на приведенные выше фразеологизмы диады «Здоровье – Болезнь» показывает, что для человека ценностным является его здоровье. Как утверждают аксиологи, именно потребность субъекта есть непосредственная предпосылка ценности. И поскольку подход человека к миру является оценочно-дифференцированным, то естественное благо для человека и есть здоровье, а

болезнь – естественное зло, антиценность. Большая часть исследованных фразеологизмов данной диады носит констатирующий характер, хотя сквозь многие из них высвечивается оценка субъекта (о здоровье – положительная, о болезни – отрицательная): рус. *болезнь входит пудами, а выходит золотниками*; англ. *wealth is nothing without health*; тат. *чир потлап килә, мыскыллап китә*.

Третья аксиологическая фразеологическая диада «Богатство – Бедность» включает компоненты «Богатство» и «Бедность».

Такие социально значимые темы, как «богатство», «бедность», несомненно, привлекали внимание многих исследователей разных специальностей, в том числе и лингвистов. В лингвистических работах дан аксиологический взгляд на материально-денежные отношения, нашедшие отражение в языке.

Так, Р.А.Сафина, исследуя русские и немецкие фразеологические единицы, выражающие материально-денежные отношения, пришла к выводу, что фразеологические единицы с семантикой 'жить в достатке' имеют в абсолютном большинстве случаев положительную оценочность, однако именно в данной группе наблюдается различие фразеологизмов в количественном отношении: 33 ФЕ – в немецком языке и 5 ФЕ – в русском. Автор объясняет эту картину «определенным влиянием экстралингвистического фактора: в силу ментальных особенностей достаток, прочное материальное положение в немецкой культуре имеют более весомое значение и вызывают большую степень общественного одобрения, чем это свойственно для русской среды, где эмоционально-экспрессивные средства служат прежде всего для обозначения крайних полярных состояний бедности и богатства» [Сафина 2002: 14–15].

С.Б.Куцый доказала, что исследуемые концепты «чувствительны к изменениям в социальной среде, экономическом укладе и нравственных установках общества» [Куцый 2003: 6]. Ряд работ посвящен отдельным фрагментам материальной картины мира, получившей отражение в русском и английском языках (Н.Н.Панченко, Ф.В.Боштан, Ю.А.Шашков и др.).

Компонент аксиологической фразеологической диады «Богатство» представлен в русских, английских и татарских фразеологизмах, тематически связанных с богатством и указывает на связь богатства с разными сторонами жизни человека:

богатство и здоровье: рус. *Здоров буду и денег добуду*; англ. *Good health is above wealth*; тат. *Саулык – байлы*;

богатство и деньги: рус. *денег куры не клюют*; англ. *be flush with money*; тат. *Байның даны акыл күплеге белән түгел, алтын күплеге белән* (букв. Слава богача не в уме, а в деньгах);

богатство и друзья: рус. *Не имей ста рублей, а имей сто друзей*; англ. *Money makes friends*; тат. *Йөз акча/тәңкә булганчы, йөз дустаның булсын*.

Неоднозначное соотношение между богатством и умом отражено в русских, английских и татарских фразеологизмах и пословицах. С одной стороны, утверждается, что ум лучше богатства и, обладая умом, станешь богатым: рус. *Не штука деньги, штука – разум*; тат. *Алтыннан акыл кыйбат*; с другой стороны, – без богатства нет ума: рус. *Деньга ум родит*; тат. *Акча булса, гакыл табыла*. Как видно, в шкале ценностей ум и богатство взаимно дополняют друг друга. В английском языке, согласно пословице *Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise*, мудрость/ум считаются одинаково ценными наряду с богатством и здоровьем.

На фоне русских и английских фразеологизмов оригинальной является татарская пословица, в которой главным богатством провозглашаются дети: *Әүвәлге байлык – бала, икенче байлык – белем, өченче байлык – мал*. Причем из трех видов богатства на первом месте – ребенок, на втором – знания и лишь на третьем месте – материальный достаток. В русском афоризме: *Дети – цветы жизни* дети как ценность сравниваются не с материальным богатством, а с духовной жизнью.

В русских, английских и татарских фразеологизмах обозначены некоторые отрицательные черты богатого человека: скупость, жадность – рус. *Туг мешок, да скуповат мужичок*; англ. *He is so covetous that he would shave an egg* (букв. он такой жадный, что может скоблить яйцо); тат. *Байның күзе комсыз/көнче* (букв. у богача глаза завистливые); ложь, нечестность – рус. *Богатый врет, никто его не уьет*; англ. *Money has no smell* (букв. деньги не пахнут); тат. *Ярлы чагымда чын сүземә дә ышанмадылар, баегач, ялган сүземне дә дәрес таптылар* (букв. когда я был беден, моему честному слову не верили, разбогател – стали верить моей лжи).

И в русских, и в татарских фразеологизмах отмечается, что богатство часто наживается нечестным трудом: рус. *От трудов праведных не построишь палат каменных*; тат. *Кем талый, шул байый*. И в

русском, и в татарском вариантах поговорок богатство связывается с «темными силами»: *Богатому черти деньги куют*; тат. *Кеше баеса, безнеке була, дигән шайтан*.

В то же время в русских, английских и татарских фразеологизмах выражено: уважение к богатству, добываемому честным трудом: рус. *Деньги на дороге не валяются*; англ. *Money doesn't grow on trees*; тат. *Байлык жирдә ятмый*; признается несовместимость лени и богатства; рус. *Без денег – бездельник*; англ. *Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise*; тат. *Байыйсың килсә, мич башыннан төш!*

Деньги и богатство олицетворяют силу, власть, влияние – такова идея многих русских и некоторых татарских фразеологизмов: рус. *Денег наживешь – без нужды проживешь*; тат. *Акча мулланы да, алланы да сатып ала*. Татарским фразеологизмом «акча колы» (букв. раб денег) презрительно обозначается бездуховность человека.

Таким образом, в русских и татарских пословицах и поговорках о богатстве утверждается превосходство духовного над материальным.

В русских, английских и татарских фразеологизмах номинируются и средства обогащения; к ним относятся:

- накопление (рус. *деньги к деньгам*; англ. *rake together a fortune*; тат. *байлыкка чама юк*);
- бережливость (рус. *Копейка рубль бережет*; англ. *A penny saved is a penny gained*; тат. *Артын кыскан бай булган*);
- зарабатывание денег (рус. *деньги лопатой грести*; англ. *to make money*; тат. *акча сугу – зашибать деньги*);
- финансовые операции, сделки: (рус. *горячие деньги*; англ. *black money*; тат. *акча балалату*);
- брак по расчету: рус. *жениться на деньгах*; тат. *акчага иләнү*, англ. *marry a fortune*.

Новые фразеологизмы, связанные с финансовой деятельностью, появились в русском языке, видимо, под влиянием английского языка.

В татарском языке отсутствуют неологизмы, обозначающие такие средства обогащения, как бизнес, карьера и т.п., представленные в русском и английском языках:

- бизнес (*бизнес есть бизнес – калька англ. business is business*);
- карьера (рус. *сделать карьеру*; англ. *push one's fortune(s)*);
- открытие месторождения золота (*напасть на золотую жилу*; англ. *strike it rich*).

Второй компонент аксиологической фразеологической диады «Бедность» представлен в русских, английских и татарских фразеологизмах, раскрывающих различные стороны жизни, связанные с моралью.

Бедность имеет следующие недостатки:

- является причиной голода: рус. *перебиваться с корочки на корочку*; англ. *live close to one's belly*; тат. *һава белән туену* (букв. питаться воздухом);
- является причиной нищенства: рус. *идти по миру с сумой*; англ. *a barred-house bum*; тат. *хәер сорану* – просить милостыню;
- является причиной ссор; с бедностью уходит любовь, с бедными не знают родственники: рус. *нужда в дверь – любовь в окно*; англ. *When a poverty comes in/at the door, love goes up the chimney*; тат. *Бай булсаң, кардәшең күп булыр, ярлы булсаң (кардәшең), юк булыр* (букв. если ты богат – родственников и друзей много, если беден – их нет) и т.д.

Положительные стороны бедности отмечаются во всех трех языках, однако они не всегда совпадают: в русском и английском языках отмечается, что бедность – это хороший учитель, источник хорошего, например, дружбы, а в татарском языке – учителем, источником хорошего, например ума, является богатство. Ср.: рус. *Беды мучат, (да) уму учат*; англ. *Poverty makes good fellowship*; тат. *Байлык акыл тудыра*.

Языковая специфика приведенных пословиц и фразеологизмов выражается в том или ином образом наполнении единиц и связана с национальными и культурными особенностями.

В **четвертой** аксиологической фразеологической диаде «Смех – Плач» выделяются два компонента: «Смех» и «Плач». **Первый** компонент указанной диады – «Смех» – нашел отражение в научных трудах различного содержания.

Известный философ М.М.Бахтин выделяет три античных источника в определении сущности смеха: первый источник – гиппократовская философия смеха, которая сводится к учению о целебной

силе смеха; вторым античным источником философии смеха стала знаменитая формула Аристотеля: «Из всех живых существ только человеку свойствен смех», третьим источником является созданный Лукианом образ смеющегося в загробном царстве Мениппа, чем подчеркивается связь смеха с преисподней (со смертью), со свободой духа и со свободой речи [Бахтин 1990: 79–81].

Интересны и наблюдения известного ученого В.Я.Проппа, который писал, что имеется некая исторически сложившаяся национальная дифференциация смеха: «Можно сказать, что французский смех отличается изяществом и остроумием (Анатоль Франс), немецкий – некоторой тяжеловесностью (комедии Гауптмана), английский – иногда добродушием, иногда едкой насмешкой (Диккенс, Бернард Шоу), русский – горечью и сарказмом (Грибоедов, Гоголь, Салтыков-Щедрин)» [Пропп 1976: 18].

Представление о смехе во фразеологии пока осталось вне поля зрения лингвистов, хотя в русском, английском и татарском языках эмоция смеха часто передается фразеологизмами. Они могут быть представлены четырьмя фразеосемантическими группами:

«Смех. Смеяться»: рус. *валяться/кататься со смеху/от смеха*; англ. *burst into laughter*; тат. *ауный-ауный (тәгәри-тәгәри) көлү*;

«Хохот»: рус. *гомерический хохот*; англ. *Homeric laughter*; тат. *тыела алмыйча шаркылдап көлү*;

«Насмешить. Насмешка»: рус. *Поспешишь – людей насмешишь*; англ. *have/lay/send smb. (rolling) in the aisles*; тат. *Ашыккан – көлкегә калган*;

«Улыбаться. Улыбка»: рус. *мефистофельская улыбка*; англ. *ghost of a smile*; тат. *мыскыллы елмаю*.

Сравнение русских, английских и татарских фразеологизмов, посвященных смеху, демонстрирует эквивалентность большей их части. К ним относятся исконные фразеологизмы (рус. *умирать со смеху* – англ. *tickle to death* – тат. *эч катып көлү*, а среди русских и английских фразеологизмов, имеющих одинаковый источник происхождения (мифология, произведения мировой литературы и т.п.: *гомерический хохот* – *Homeric laughter*).

Тем не менее, в русском, английском и татарском языках немало оригинальных и лакунарных фразеологизмов: *смеяться (посмеиваться) в бороду*; *три ха-ха* – о чем-, ком-либо, вызывающем смех (первоначально – письменное замечание режиссера в рукописи пьесы, указывающее актеру, сколько раз надо смеяться в данном месте [СРФ 1998: 574]).

В английском языке оригинальными фразеологизмами со значением смеха являются фразеологизмы, имеющие библейский источник: *the crackling of thorns under a pot*; *laugh like little Audrey* (букв. смеяться, как малышка Одри); *grin like a Cheshire cat* (букв. ухмыляться подобно чеширской кошке).

Аксиологически смех имеет положительную ценность, но он многозначен. Теоретик и историк советской кинокомедии Р.Юренев писал, что «смех может быть радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и простосердечный, саркастический и наивный, ласковый и грубый, многозначительный и беспричинный, торжествующий и оправдательный, бесстыдный и смущенный. Можно еще и увеличить этот перечень: веселый, печальный, нервный, истерический, издевательский, физиологический, животный. Может быть даже унылый смех!» [Юренев 1964: 8]. В большей части смех раскрывает радость, сияние души человека. В рассказе В.Шукшина «Сапожки» «смеются» даже предметы: «*Клавдия извлекла из чемодана коробку, из коробки выглянули сапожки... При электрическом свете они были еще красивей. Они прямо смеялись в коробке*».

Фразеологизмы о смехе типа: *надрывать животики от смеха*; *burst /rupture a gut*; *тәгәрәп-тәгәрәп шаркылдап көлү* – разговорные, просторечные, грубоватые, но они в традиции народно-праздничного смеха.

В то же время фразеологизмы *мефистофельский смех*; *мефистофельская улыбка* отражают иное предназначение смеха: выражение злорадства, коварства, а английский фразеологизм *the crackling of thorns under a pot* имеет значение ‘дурацкий, глупый смех’. Оказиональный фразеологизм Н.В.Гоголя *разрешился междометием смеха*, раскрывает не только свободу смеха (вырвавшегося наружу, на свободу), но и зависимость, заискивание обладателя этого смеха ‘на букву э’.

Второй компонент указанной аксиологической фразеологической диады – «Плач» – связан с эмоциями, противоположными смеху. Со значением плача в русском, английском и татарском языках имеются фразеологизмы следующих фразеосемантических групп:

«Плакать» (горько, громко, часто и т.п.): рус. *во всю ивановскую*; англ. *burst into tears*; тат. *акырын елау*.

«Готовность расплакаться»: рус. *глаза на мокром месте*; англ. *enough to make in angels weep*; тат. *куз яшьларенә буылу*.

«Слезливость»: рус. *петь панихиды*; англ. *a crying jag* – пьяная истерика; тат. *куз яше кипми*.

Русские, английские и татарские фразеологизмы со значением плача характеризуются эквивалентностью: рус. *выплакать все глаза*; англ. *cry one's eyes out*; тат. *ельй-ельй күзсез калу*.

Иногда эквивалентность наблюдается только между русскими и английскими фразеологизмами: рус. *крокодиловы слезы*; англ. *crocodile tears*; или только между русскими и татарскими фразеологизмами: рус. *глотать слезы*; тат. *куз яшь-ләре йоту*.

Лакунарными фразеологизмами в русском языке являются фразеологизмы, происхождение которых связано с обычаями, существовавшими на Руси: *во всю ивановскую*; *петь панихиды* [этим. панихида – церковная служба по усопшему]; в английском языке источниками лакунарных фразеологизмов являются произведения В.Шекспира: *enough to make in angels weep*; *in the melting mood*. В татарском языке оригинальным фразеологизмом является *такмаклан елау* (плакать причитая), имеющий этническую коннотацию.

Аксиологический статус приведенных антропоцентрических фразеологизмов со значением смеха и плача, на первый взгляд, определяется в пользу фразеологизмов смеха (они выражают ценность, полезность смеха), но семантика ряда русских, английских и татарских фразеологизмов уравнивает их: и плач может быть ценным и иметь положительный статус: рус. *радость со слезами на глазах*; англ. *tingle tears*; тат. *шатлыктан елау*, и смех может иметь отрицательный статус: рус. *смех до плача доводит*; тат. *артык көлмә – еларсың*; англ. *laugh on the other/wrong side of one's face/mouth*. Во фразеологизмах такого типа смех, улыбка не выражают радости, веселья: англ. *to grin and bear* (букв. улыбаться и терпеть).

Некоторые фразеологические выражения, заключающие в себе аксиологическую амальгаму, имеют и сложную этимологию. Так, известное фразеологическое выражение *сардонический смех*, употребляясь в значении «смех с горем», этимологически восходит к обычаю древних приносить в жертву стариков. Эта церемония сопровождалась всеобщим смехом, в котором принимали участие и приносимые в жертву [СРФ 1998: 534].

Смех и плач амбивалентны, что и нашло отражение в русских и английских фразеологизмах со значением смеха и плача.

Таким образом, аксиологические фразеологические диады «Жизнь – Смерть», «Здоровье – Болезнь», «Богатство – Бедность», «Смех – Плач» тесно связаны с конвенциональной ценностью *счастье* и конвенциональной антиценностью *несчастье*. Именно *счастье* и *несчастье* как ценность и антиценность получили наиболее несходную трактовку в русских, английских и татарских фразеологизмах.

Раздел **4. «Социолингвистический мониторинг как выражение аксиологического плюрализма»** посвящен социолингвистическому мониторингу как методу исследования аксиологической лингвистики.

В разделе анализируются полученные в ходе мониторинга статистические данные в виде диаграмм, графиков, таблиц, полный объем которых представлен в приложении.

Указанный мониторинг дал возможность проследить, какова аксиология идей того или иного фразеологизма, каким образом она отражается в сознании людей, как люди воспринимают идею, переданную фразеологической единицей, насколько близко ими принимается или не принимается заложенная в них мысль. Проведение социологического эксперимента в виде анкетирования позволило получить статистические данные и определить, что является ценностным/антиценностным для того или иного слоя населения, существует ли асимметрия между моралью, заключенной в языковых единицах (фразеологизмах, пословицах, поговорках, созданных народом в «добрые старые времена»), и мнением современных людей.

Социологический мониторинг как один из новых методов в области исследования лингвоаксиологии проводился в виде анкетирования на базе аксиологических фразеологизмов русского, английского и татарского языков. В содержание анкет входили вопросы, составленные на базе фразеологизмов, формирующих диады: «Смех – Плач», «Богатство – Бедность», «Счастье – Несчастье», «Здоровье – Болезнь» «Жизнь – Смерть». Ответы на поставленные вопросы и дали возможность проследить аксиологическую реакцию на идею или мораль того или иного фразеологизма. Респондентами были русскоязычные студенты КГУ, студенты факультета татарской филологии КГУ и студенты Лондонского, Гилфордского и Сассекского университетов в возрасте от семнадцати до двадцати трех лет.

Анализируя все ответы на поставленные вопросы, можно прийти к заключению, что восприятие и отношение к таким ценностям/антиценностям как счастье – несчастье, богатство – бедность, жизнь – смерть, смех – плач, здоровье – болезнь в самосознании молодежи, в целом, совпадают, хотя в ряде случаев наблюдаются разброс мнений, раскрывающий аксиологический плюрализм, множественность равноправных мнений людей, говорящих на разных языках, а также асимметрия между моралью, заложенной во фразеологических единицах, пословицах, поговорках в «старые добрые времена» и мнением современных людей, что объясняется прагматизацией в обществе ценностных ориентаций, возрастными особенностями респондентов и, безусловно, разной средой обитания, воспитания русских, татар, с одной стороны, и англичан, с другой.

Мониторинговая программа является важнейшим средством проверки методологической надежности инструментов исследования. Близость результатов многомесячных и многолетних замеров по определенному показателю дает принципиальную возможность считать результаты достоверными.

В заключении диссертации подведены итоги исследования и представлены его основные научные результаты.

В ходе исследования на материале сопоставительного изучения антропоцентрической фразеологии таких генетически неродственных и типологически разнородных языков, как русский, английский и татарский:

- представлена классификация русского, английского и татарского фразеологического, паремиологического и афористического материалов;

- раскрыты универсальные и уникальные образы, которые, отражая способ мировидения носителей трех исследуемых языков, определяются в рамках десяти универсальных культурных кодов; универсальные образы составляют универсальную парадигму образов, уникальные образы – уникальную парадигму образов;

- разработана классификация субъективных и объективных факторов ценностей и определены отражения ценностей и антиценностей во фразеологизмах с учетом основных положений теоретических исследований отечественных и зарубежных исследователей-аксиологов;

- проведен анализ фразеологизмов в соответствии с имеющимися и обоснованными философскими взглядами на ту или иную ценность/антиценность, что позволило утверждать, что философские, поэтические, социологические и т.д. представления о ценностях и антиценностях нашли отражение во фразеологии русского, английского и татарского языков;

- на основе лингвоаксиологического аспекта исследования ценностей и антиценностей на фразеологическом уровне представлено формирование аксиологической фразеологической диады, состоящей из двух блоков: один из них включает фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными ценностями, а другой блок – фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными антиценностями. Аксиологическая фразеологическая диада обладает параметром универсальности и может заполняться разноязычными фразеологизмами, отражающими ценности и антиценности;

- проведена классификация «фразеологических диад» в соответствии с классификацией ценностей и антиценностей и определена их иерархическая структура;

- когнитивная интерпретация семантической структуры отдельных фразеологизмов позволила выделить идиоэтнический компонент их семантики, что является коммуникативно и концептуально значимым и отражает представление о ценностях/ антиценностях сквозь призму языкового сознания и мышления носителей русского, английского и татарского языков;

- доказано, что анализируемая антропоцентрическая фразеология непосредственно связана с антропологической парадигмой лингвистики и с гуманизацией – стремлением человечества к самосознанию, самосохранению и сохранению человеческих ценностей;
- определены универсалии, отражающие ценностные/неценностные потребности человека, а также уникалии, отражающие специфику культуры носителей разных языков;
- выявленные в результате лингвистического анализа положения тесно связаны с дефинициями той или иной ценности/антиценности прежде всего в философской литературе (начиная с античности), в лингвокультурологических исследованиях, что и позволило прийти к выводам относительно сходств и различий взглядов на ту или иную ценность у русских, англичан и татар, нашедших отражение в различных фразеологизмах сопоставляемых языков;
- доказано, что во всех исследованных блоках аксиологических фразеологических диад имеются национально-специфические единицы, при этом из всех фразеологических трактовок ценности и антиценности наиболее ярко национальное своеобразие отмечается во фразеологизмах о счастье, богатстве и смерти;
- установлено, что уникальные (лакунарные) фразеологические единицы как отражение своеобразия национальной культуры, менталитета и языка имеются во всех блоках исследуемых аксиологических диад;
- результаты социолингвистического мониторинга свидетельствуют, с одной стороны, о совпадении взглядов современной молодежи на различные ценности, заложенные в фразеологизмах, а с другой стороны, указывают на аксиологический плюрализм и асимметрию между моралью, содержащейся в языковых единицах, и мнением современных людей.

Основные положения диссертации получили отражение в следующих публикациях:

Монография

1. *Багаутдинова Г.А.* Человек во фразеологии: антропоцентрический аспект / Г.А.Багаутдинова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – 132 с. (8,25 п.л.).

Статьи в научных изданиях по перечню ВАК России

1. *Багаутдинова Г.А.* Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке / Г.А.Багаутдинова, Л.К.Байрамова // *Филологические науки.* – 2006. – №1. – С. 81 – 90 (0,5 п.л.).
2. *Багаутдинова Г.А.* Аксиологизм и лакунарность фразеологических единиц / Г.А.Багаутдинова // *Вестник НГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Филология».* – 2006. – Вып.1 (7). – С. 128 – 131 (0,25 п.л.).
3. *Багаутдинова Г.А.* Социолингвистический мониторинг как выражение аксиологического плюрализма / Г.А.Багаутдинова // *Вестник КГТУ им. А.Н.Туполева.* – Казань, 2006. – №3. – С. 71 – 74 (0,25 п.л.).
4. *Багаутдинова Г.А.* Социолингвистический мониторинг аксиологической фразеологии о жизни / Г.А.Багаутдинова // *Известия Самарск. Научного центра РАН. Спец. выпуск «Новые гуманитарные исследования».* – Самара: Изд. СНЦ РАН, 2006. – С. 180 – 183 (0,25 п.л.).
5. *Багаутдинова Г.А.* Фразеологизмы со значением смерти (аксиологический аспект) / Г.А.Багаутдинова // *Ученые записки КГВМ им. Н.Э.Баумана.* – Казань, 2006. – Т.187. – С. 284 – 290 (0,5 п.л.).

Учебные и методические пособия

6. *Багаутдинова Г.А.* Человек во фразеологии русского и английского языков: Словарь фразеологических единиц русского и английского языков о человеке. – Ч.1: Познавательная деятельность человека / Г.А.Багаутдинова. – Казань: КГУ, 2005. – 36 с. (2,25 п.л.).
7. *Багаутдинова Г.А.* Человек во фразеологии русского и английского языков: Словарь фразеологических единиц русского и английского языков о человеке. – Ч.2: Эмоциональная деятельность человека и воображение / Г.А.Багаутдинова. – Казань: КГУ, 2005. – 45 с. (3 п.л.).
8. *Багаутдинова Г.А.* Человек во фразеологии русского и английского языков: Словарь фразеологических единиц русского и английского языков о человеке. – Ч.3: Волевая деятельность человека и свойства личности / Г.А. Багаутдинова. – Казань: КГУ, 2005. – 47 с. (3 п.л.).

9. Багаутдинова Г.А. Английский язык в пословицах, поговорках и фразеологических единицах (на материале аксиологической фразеологии): Учебно-методическое пособие / Г.А.Багаутдинова. – Казань: КГУ, 2006. – 41 с. (2,5 п.л.).

Статьи в научных журналах и сборниках научных трудов

10. Багаутдинова Г.А. Специфика лексического состава устойчивых сравнительных конструкций антропоцентрической направленности / Г.А.Багаутдинова // Ученые записки КГУ. – Казань: КГУ, 1998. – Т.135. С.148 –151 (0,25 п.л.).

11. Багаутдинова Г.А. Лексико-семантическая характеристика устойчивых сравнительных конструкций антропоцентрической направленности / Г.А.Багаутдинова // Мост (язык и культура) – Bridge (language and culture). – Наб.Челны: Изд. Набережн. фил. филиала Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. А.Н.Добролюбова. – 1999. – №4. – С. 7– 9 (0,25 п.л.).

12. Багаутдинова Г.А. Лексико-семантическая характеристика фразеологических единиц антропоцентрической направленности / Г.А.Багаутдинова // Язык и методика его преподавания. – Казань: КГУ, 1999. – Ч.1.– С. 3 – 7 (0,5 п.л.).

13. Багаутдинова Г.А. Сравнение как один из видов семантической трансформации при зашифровке денотатов ФЕ, кодирующих психические процессы и свойства личности / Г.А.Багаутдинова // Язык и методика его преподавания. – Казань: КГУ, 2001. – С. 17 – 19 (0,25 п.л.).

14. Багаутдинова Г.А. Особенности лексического состава фразеологизмов антропоцентрической направленности / Г.А.Багаутдинова // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии: Материалы междунар. науч.-теор. конф.– Волгоград: Перемена, 1999. – С. 44 – 45 (0,2 п.л.).

15. Багаутдинова Г.А. Отражение культурно-национальных особенностей в фразеологических единицах, кодирующих психическую деятельность человека / Г.А.Багаутдинова // Глобализация и национальная самобытность. Форум языков. – Казань, 2003. – С. 113 – 119 (0,5 п.л.).

16. Багаутдинова Г.А. Фразеобразовательный потенциал лексико-семантической группы «части тела человека» (на материалах, отражающих психические процессы и свойства личности в разноструктурных языках) // Ученые записки Казанского филиала Российской международной академии туризма. – Казань, 2004. – Вып. 1.– С. 61 – 64 (0,25 п.л.).

17. Багаутдинова Г.А. Специфика фразеологического кодирования эмоций и чувств человека в языках разных систем / Г.А.Багаутдинова // Межкультурная коммуникация. Типология языков. Теория перевода: Материалы II междунар. науч. конференции. – М.; Казань: МГУ; КГУ, 2004. – С. 38 – 44 (0,5 п.л.).

18. Багаутдинова Г.А. Специфика фразеологического кодирования мыслительных процессов личности / Г.А.Багаутдинова // Проблемы этнолингводидактики в поликультурной среде: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.; Чебоксары, 2004. – С.187 – 190 (0,25 п.л.).

19. Багаутдинова Г.А. Лексико-семантические особенности и культурно-национальное своеобразие фразеологических единиц, отражающих психическую деятельность человека / Г.А.Багаутдинова // Ученые записки Казанского филиала Российской международной академии туризма. – Казань, 2004. – Вып.1. – С. 58 – 61 (0,25 п.л.).

20. Багаутдинова Г.А. Фразеологическая диада «здоровье – болезнь»: аксиологический аспект / Г.А.Багаутдинова // Литература, язык и художественная культура в современных процессах социокультурной коммуникации: Материалы межрегиональной науч.-теорет. конф. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 108 – 115 (0,5 п.л.).

21. Багаутдинова Г.А. Концепт «счастье» как компонент аксиологической диады / Г.А.Багаутдинова // Россия-Азия: становление и развитие национального самосознания: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос.ун-та, 2005. – С. 167 – 170 (0,25 п.л.).

22. Багаутдинова Г.А. Отражение внутреннего мира человека во фразеологических единицах антропоцентрической направленности / Г.А.Багаутдинова // Человек во фразеологии и лексике славянских языков: Материалы VIII Междунар. науч. конф. – Щетцин, 2005. – С. 72 – 77. (0,5 п.л.).

23. Багаутдинова Г.А. О специфике языкового статуса фразеологических единиц и механизме их номинативной функции / Г.А.Багаутдинова // I Международный симпозиум: Сб. статей ученых Казанск. гос. ун-та. – Казань: Казанск. гос. ун-т, 2005.– С. 489 – 496 (0,25 п.л.).

24. *Багаутдинова Г.А.* Лексемы, определяющие характер человека в русском и английском языках / Г.А.Багаутдинова // Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний и Российской международной академии туризма. – Казань: Альфа, 2005. – С. 64 – 69 (0,5 п.л.).
25. *Багаутдинова Г.А.* Социолингвистический мониторинг аксиологической фразеологии о счастье / Г.А.Багаутдинова // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры». – М.: ЭЛПИС, 2006. – С. 36 – 40 (0,25 п.л.).
26. *Багаутдинова Г.А.* Фразеологизмы антропоцентрической направленности на аксиологической карте мира / Г.А.Багаутдинова // Язык и методика его преподавания. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – С. 31 – 35 (0,5 п.л.).
27. *Багаутдинова Г.А.* Фразеология в социолингвистическом восприятии молодежи / Г.А.Багаутдинова // Русская и сопоставительная филология. – Казань: КГУ, 2006. – С. 37 – 42 (0,25 п.л.).
28. *Багаутдинова Г.А.* Аксиологическая лингвистика: языковая ценность языковых единиц и ценности, выражаемые языковыми единицами / Г.А.Багаутдинова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн дэ Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): Труды и материалы: в 2 т. / Казанск. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева. – Казань: Казанск. гос. ун-т, 2006. – Т.2. – С.132 – 135 (0,25 п.л.).
29. *Багаутдинова Г.А.* Проблемы аксиологической фразеологии / Г.А.Багаутдинова, Л.К.Байрамова // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры». – М.: ЭЛПИС, 2006. – С. 12 – 15 (0,25 п.л.).
30. *Багаутдинова Г.А.* Аксиологическая фразеология о счастье/Г.А.Багаутдинова, Л.К.Байрамова //Ученые записки КГУ. Сер. «Гуманитарные науки». – 2006. – Т.148, Кн. 2. – С. 53 – 67 (1 п.л.).
31. *Багаутдинова Г.А.* Компонент аксиологической картины мира жизнь / Г.А.Багаутдинова //Фразеологические чтения памяти проф. В.А.Лебединской: Материалы междунар. науч. конф. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. – С. 17 – 20 (0,25 п.л.).
32. *Багаутдинова Г.А.* Внутренняя форма фразеологизма / Г.А.Багаутдинова // Языковые уровни и их анализ. – 2005: Ежегодник. – Казань: Гуманитария, 2006. – С. 4 – 9 (0,5 п.л.).
33. *Багаутдинова Г.А.* Ачу, ярсу, нәфрәтне белдергән фразеологик берәмлекләренн антропоцентризмы / Г.А.Багаутдинова // Milli мәдәниәт. – Казан, 2006. – № 11. – Б. 32–35 (0,5 п.л.).
34. *Багаутдинова Г.А.* Аксиологический аспект англицизмов в хорватских и русских фразеологизмах / Г.А.Багаутдинова // Славянская фразеология и прагматика: Аннотации докладов междунар. науч. конф. – Раб., 17–19 сентября 2006. – С. 27 (0,1 п.л.).

Сдано 15.01.2007 г.
Подписано в печать 17.01.2007 г.
Формат 60 x 84 1/16
Бумага офсетная №1
Печать на ризографе
Гарнитура Arial Суг, 9
Усл.печ. л. 2.75
Уч.-изд. л. 3.86
Тираж 130 экз.
Заказ № 9

Издательство Казанского университета
420008 Казань, ул. Кремлевская, 18